

КИФА

И САМИ,
КАК ЖИВЫЕ КАМНИ,
УСТРОЙТЕ ИЗ СЕБЯ
ДОМ ДУХОВНЫЙ

ИЗДАНИЕ ПРЕОБРАЖЕНСКОГО СОДРУЖЕСТВА МАЛЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ БРАТСТВ

12 (230)
октябрь 2017

БЫЛА ЛИ У ЦЕРКВИ
ВОЗМОЖНОСТЬ ИЗМЕНИТЬ
ХОД РУССКОЙ ИСТОРИИ
стр. 15

«БОЛЬШЕВИЗМ СТАЛ
ИСКУСИТЕЛЬНЫМ
СОБЛАЗНОМ ДЛЯ
НАШЕГО НАРОДА»
стр. 22

ТЕМА

ОКТАБРЬ
1917
стр. 14

Одобрено редакционным информационным отделом Русской Православной Церкви

СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ НА САЙТЕ GAZETAKIFA.RU 12+

07.11
19:00

ФИЛАРМОНИЯ 2
КОНЦЕРТНЫЙ ЗАЛ ИМЕНИ
С. В. РАХМАНИНОВА

БИЛЕТЫ ОНЛАЙН
WWW.MELOMAN.RU

12+

(495) 232 53 53

МИЧУРИНСКИЙ ПРОСПЕКТ,
ОЛИМПИЙСКАЯ ДЕРЕВНЯ, 1

ОКТАБРЬ 1917

КОНЦЕРТ-РАЗМЫШЛЕНИЕ

1 ОТДЕЛЕНИЕ

ТЕАТРАЛЬНАЯ ПОСТАНОВКА
«ОКТАБРЬ 1917»
РЕЖИССЁР ГРИГОРИЙ ЛОПУХИН
COMPAGNIE FRONTALE (ФРАНЦИЯ)

2 ОТДЕЛЕНИЕ

МУЗЫКА:
СЕРГЕЙ РАХМАНИНОВ
ГЕОРГИЙ СВИРИДОВ
АРВО ПЯРТ
СОФЬЯ ГУБАЙДУЛЛИНА
ЭДИСОН ДЕНИСОВ

ИСПОЛНИТЕЛИ:
МОСКОВСКИЙ КАМЕРНЫЙ ОРКЕСТР
«ВРЕМЕНА ГОДА»
ДИРИЖЁР ВЛАДИСЛАВ БУЛАХОВ
ХОР ХРАМА СЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ
В ТОЛМАЧАХ ПРИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ТРЕТЬЯКОВСКОЙ ГАЛЕРЕЕ
РУКОВОДИТЕЛЬ АЛЕКСЕЙ ПУЗАКОВ,
ХОРМЕЙСТЕР ОЛЬГА УШАКОВА

СТАНИСЛАВ МАЛЫШЕВ, ЛАУРЕАТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНКУРСОВ,
СЕРЕБРЯННЫЙ ПРИЗЁР КУБКА МИРА
В КАТЕГОРИИ DIGITAL ACCORDION

ПРЕОБРАЖЕНИЕ
КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
ФОНД

+7 965-284-13-20
INFO@KP-F.RU

Содержание

ОКТАБРЬ 2017

~ новость номера

«Будь верен до конца...»
| 2

~ событие

Уходят последние
свидетели | 3

«Желаю вам любить Бога
в сердце, то есть жить
по-евангельски» | 5

Сад памяти | 6

~ 1917–2017

«Кто передаст потомкам
нашу повесть?..» | 8

Была ли у Церкви
возможность изменить ход
русской истории | 15

~ Поместный собор

Решение, принятое в дни
обстрела Кремля | 9

Русская церковь первой
ответила на вызовы
Новейшего времени | 11

~ Тема номера

Октябрь 1917 | 18

Обращение Преображенского
братства | 21

~ Встречи

«Большевизм стал
искусительным соблазном
для нашего народа» | 22

~ Живое предание

Братский помянник | 23

~ дети и молодёжь

В поисках подлинных
корней | 24

~ конфессии

Реформация:
точка отсчёта | 26

~ конференции

История страны в судьбах
узников лагерей | 28

~ письма

Как брызги
Чёрного моря... | 30

~ Церковь и культура

Опыты не в стихах | 32

Издание Преображенского содружества
малых православных братств

gazetakifa.ru

КИФА

Одобрено Синодальным
информационным отделом
Русской Православной Церкви
(Свид. №081 от 3 мая 2011 г.).
Главный редактор:
А.В. Колымагина
Адрес редакции и издателя:
105062, г. Москва,
ул. Покровка, д.29
Тел./факс: +7-495-624-92-50
Электронный адрес редакции:
gazetakifa@gmail.com

Подписной индекс
в агентстве Роспечать – 19601
Над номером работали:
Анастасия Наконечная, Максим
Дементьев, Александр Копировский,
Елена Шевелева, Светлана Калинина,
Татьяна Тыртыш, Мария Кайкова
Дизайн и верстка: Марина Подкопаева
Учредитель: Культурно-просветительский
фонд «Преображение».
Газета издаётся с октября 2002 г.
Все права защищены.
Мнение редакции может не совпадать
с мнением авторов.
Сайт газеты: gazetakifa.ru

Нашу газету можно приобрести:
в интернет-магазине predanie.org;
в Москве: в редакции (в
настоящее время находится в
помещении СФИ –
ул. Покровка, д. 29, оф. 38);
в Санкт-Петербурге: в киоске
«Предание»,
тел. +7-963-316-37-81
в Париже: в магазине «YMCA-
Press»: 11, Rue de la Montagne-
Sainte-Genevieve
Телефоны распространителей
Москва:
+7-910-421-64-60
(Анна Гринман),
+7-903-100-93-73
(Денис Кудряшов)
Санкт-Петербург:
+7-963-316-39-81
(Анастасия Наконечная)

Архангельск: +7-921-073-32-76
(Надежда Макурина)
Вельск: +7-921-247-11-37
(София Кудрявцева)
Воронеж: +7-950-763-50-35
(Александр Терехов)
Екатеринбург: +7-904-388-03-91
(Татьяна Благодарова)
Рязань: +7-920-632-06-71
(Сергей Гаврилов)
Северодвинск: +7-909-551-20-11,
(Татьяна Колпакова)
Тверь: +7-909-266-88-83,
+7-905-551-02-70 (Олег Ермолаев)
Тула: +7-920-746-69-73
(Марина Писаревская)
Электросталь: +7-926-787-43-05
(Ольга Кузнецова)
США, Канада: +1-651-210-49-22,
oleg@voskres.net
(Олег Воскресенский)

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-46907 от 5 октября
2011 г. Отпечатано в типографии «Бьорк», г. Москва, ул. Складочная, дом 6,
строение 3.

Тираж 1350. Цена свободная. Выпуск подписан в печать 7 октября 2017 г.
Время подписания в печать: по графику – 9.00, фактическое – 9.00.
Дата выхода в свет 15 октября 2017 г.

Одобрено Синодальным информационным
отделом Русской Православной Церкви

Александра Колымагина

Вспоминая весь этот год события столетней давности, мы незаметно дошли до октября 1917 года. Тогда, сто лет назад, никто не верил, что этот месяц мы будем вспоминать так долго...

И весь этот год я вспоминала два вопроса, услышанных от разных людей.

Первый: если красные победили, значит, народ всё-таки был за них?

Казалось бы, такой простой вопрос! Как всегда, когда знаешь ответ. И теперь я твёрдо знаю, что отвечу, если вновь, как год назад, услышу эту фразу. Да, историю всегда пишут победители. Но это не значит, что они правы или что их поддержал народ. Иначе нам пришлось бы считать, что римляне поддерживали гуннов (и те в чём-то были правы), а греки и болгары – турок; что наши предки в целом гораздо больше

поддерживали Золотую орду, чем своих князей.

Второй вопрос связан с тем, почему нас так подкосил октябрьский переворот. Ведь в истории – и нашей собственной, и чужой – бывали и политические деятели, рвавшиеся к власти не менее цинично и кроваво, чем большевики, и тяжёлые, страшные события; достаточно вспомнить многовековое иго и «смутное время».

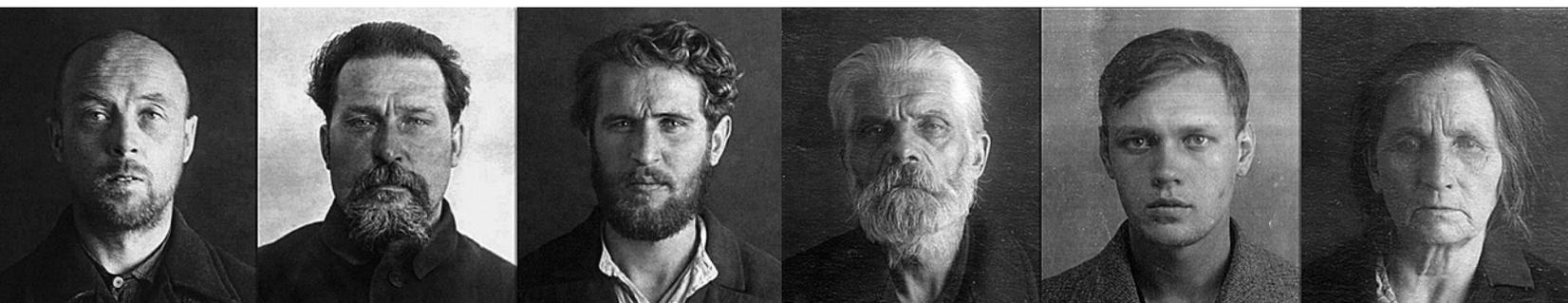
Что же прежде помогало нам оставаться собой после страшных поражений и несчастий? Не то ли, что пророчески описал Пушкин в конце «Бориса Годунова»? Ведь именно этого – безмолвия народа, общей и согласной нравственной реакции – и не случилось после 1917 года. А тех, кто решился безмолвствовать, изгнали или перебили. По частям.

И то, чего не случилось, так и осталось для нас пока что не выполненной задачей. **КФ**

Н О В О С Т Ь

«Будь верен до конца...»

В Москве в храме прп. Сергия Радонежского в Рогожской слободе открылась выставка, посвящённая судьбе священнослужителей и прихожан советского времени

Выставка рассказывает о судьбах одиннадцати человек, чья жизнь попала в волны репрессий 1918, 1934, 1937, 1938 годов и стала свидетельством подлинной веры и верности.

Они были совсем разными: о. Пётр Никотин, священномученик, учёный-богослов, настоящий неггибаемый пастырь,

которого уже при жизни многие считали святым; Николай Кузьмин, бывший коммунист (пришёл к вере в 1929 году, когда во время смертельной болезни обратился к Богу с молитвой), участвовавший в создании первого в России плавучего морского научно-исследовательского института, пешком прошедший полстраны, неся слово Божие и прославленный

в лике святых; Анастасия Жумаева, уборщица, годами укрывавшая в своём доме архиепископа Саратовского Серафима... Расстреливаемые, погибающие в лагерях, они сохраняли Церковь земную и созидали Церковь Небесную. Теперь они молят Бога о нас.

Организаторы приглашают прийти на выставку, чтобы увидеть одиннадцать примеров того, что судьбу

человека сломать можно, а самого человека, если он с Богом, сломить – нельзя.

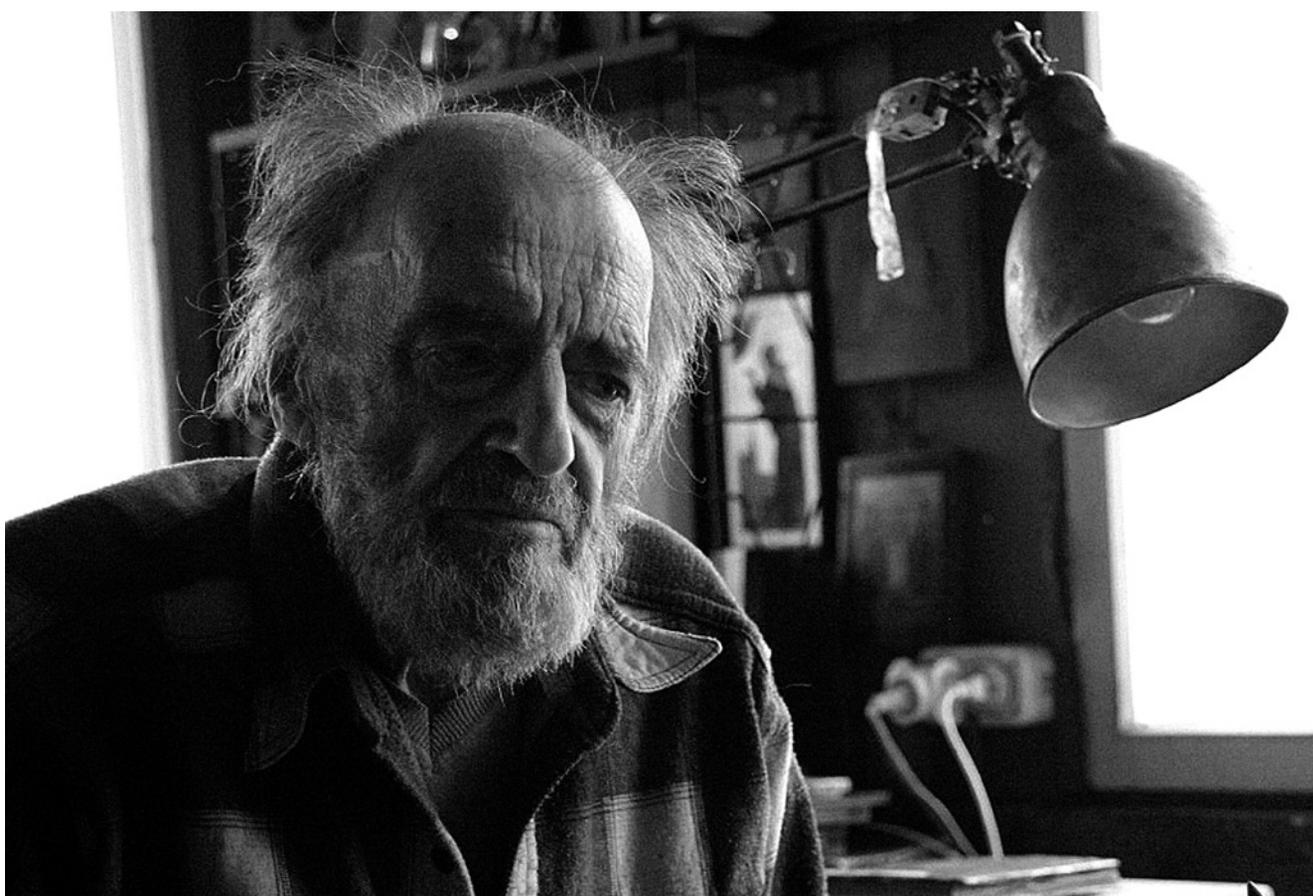
Чтобы прочесть воспоминания, письма, свидетельства, в которых нет ни злобы, ни ненависти, ни желания мстить, но в которых есть воля, есть сила правды, есть милосердие, есть мужество и, конечно, есть вера.

Вход свободный
Выставка будет открыта до 3 мая 2018 года **КФ**

Уходят последние свидетели

Слово священника Георгия Кочеткова на кончину
Алексея Петровича Арцыбушева

Фото: Ольги Максимовой, Кирилла Мозгова

Алексей Петрович Арцыбушев

Уходят МИРЫ...
Преставился ко Господу Алексей Петрович Арцыбушев, он же в тайном постриге монах Серафим. Это настоящая большая потеря для всей нашей церкви, для всех нас. Уходят такие люди, которые являются самыми последними свидетелями веры и традиций подлинной русской жизни в нашей стране. Он был человеком необыкновенно стойким, который всю жизнь был с Богом, всю жизнь был в Церкви. Он всегда

стремился уходить от всех компромиссов, от всякой неправды в общественной и церковной жизни. Он человек, который прожил почти 98 лет и при этом сохранил ясность ума, и чистоту сердца, и необыкновенно глубокую память, и тот разум, который сродни подлинному духовному опыту святых. Такие люди, как Алексей Петрович, могут быть названы святыми сразу после своей кончины. По одной встрече с ним можно было сказать, что он наделён благодатью, духовными дарами, что это

Алексей Петрович Арцыбушев вместе с отцом Георгием Кочетковым и членами Преображенского братства у себя дома. 2015 г.

человек веры, мужественный человек, человек глубокой правды. Он – настоящий «martyr», именно мученик, ведь он сидел за веру не один год, и свидетель в смысле миссионер, проповедник.

Он много знал, много помнил и поэтому действительно являлся связующим звеном между старой Россией, старой страной, нашим старым русским народом, – потому что по духу он, безусловно, был человеком русским, – и теми современными людьми, которые ищут подлинности в наше время, во всех наших обстоятельствах, часто неблагоприятных как в церкви, так и в обществе. Нам нужно брать с таких людей пример, надо понимать, что если уж Господь дал такого человека Церкви, то это не

просто так. Алексей Петрович неустанно шёл и вёл всех к внутренней подлинности жизни, к её широте и глубине, к тому, чтобы современные люди могли почувствовать вкус настоящей жизни, что очень ценно и важно для всех. Он был молитвенным человеком, и человеком памяти, и человеком свидетельства, – и всё это делает нашу утрату особенно чувствительной для нас, а нашу молитву о нём делает глубокой, искренней, сердечной и постоянной.

И остаются невидимые нити...

Вот таких людей хотелось и хочется видеть в нашем Братстве. Чтобы невидимая, «потаённая» Церковь вновь могла стать видимой и явной.

Вечная ему память! **КФ**

«Желаю вам любить Бога в сердце, то есть жить по-евангельски»

Из интервью А.П. Арцыбушева, фрагменты которого вошли в видеообращение к участникам второго фестиваля «Преображенские встречи» (август 2016 года)

Что такое братство? Ведь если начать читать апостола Павла, то все его послания начинаются словом «брат» или «братья». А дальше, если ты просто читаешь Евангелие, то видишь отношение Спасителя к каждому человеку как к своему близкому, родному: любите друг друга, прощайте друг друга, молитесь друг за друга

Вся эпоха Сталина прошла через мою шкуру. Поэтому я её очень хорошо знаю. Сам просидел 10 лет в сталинских лагерях. И там я жил надеждой – в самых штрафных лагерях. Поэтому я прошёл через них. Надежда – она всё-таки основана на воле Божьей. Если у тебя Бога в сердце нет, ты не живёшь...

Я был осуждён Особым совещанием «за участие в антисоветской подпольной церковной организации, ставящей себе целью свержение власти и восстановление монархии в стране». Мы относились к потаённой церкви, которая не поминала Сергия как патриарха. Духовник моей мамы владыка Серафим (Звездинский) и ещё более опытные духовные старцы ушли и стали называть себя «непоминающими». А я потом называл их «покаянные».

...Что такое братство? Ведь если начать читать апостола Павла, то все его послания начинаются словом «брат» или «братья». А дальше, если ты просто читаешь Евангелие, то видишь отношение Спасителя

к каждому человеку как к своему близкому, родному: любите друг друга, прощайте друг друга, молитесь друг за друга. Отец Георгий в своём братстве и призывает всё это исполнять. Я ему сказал: «Вы делаете большое дело. Потому что 75 лет атеизма в России полностью вытравили Бога из сердца»...

Мало прошло времени с того момента, когда церковь начала восстанавливаться. Очень мало времени. 75 лет безбожия. За то, что мать водила в церковь своего ребёнка, её лишали материнства. Перед Пасхой я всегда приходил в церковь заранее, и уже церковь была оцеплена, уже детям нельзя было войти на пасхальную службу. Сейчас на обыкновенных воскресных службах церковь набита битком. В две чаши причащают. И вот отец Павел, наш настоятель, меня попросил, не выступлю ли я перед его прихожанами. Они, говорит, все начитались Ваших книг, поэтому Вас прекрасно знают. И я начал с того, что, стоя в алтаре, как старый алтарник, выхожу причащаться пер-

вый. Иду запивать первым. И вижу очередь, которая идет к Чаше. Это всё молодёжь с грудными, с детьми чуть постарше, отцы на руках несут детей – все идут к Чаше. А раньше этого видеть – не увидишь.

Алексей Петрович, что бы Вы могли пожелать современным христианам, которые сейчас только входят в Церковь? Что нужно обязательно сохранить, унаследовать от той Церкви, которую Вы помните и знаете?

Иметь живого Бога в сердце. В сердце же две энергии – божественная и сатанинская, добро и грех. И если Бог в сердце, то он победит грех, который сидит в тебе и требует выхода.

И ещё я бы ответил – любить Бога в сердце, то есть жить по-евангельски. Если читаешь Евангелие, то там любовь, всепрощение и молитвы за ненавидящих тебя; это говорит о большой любви к Богу и человеку. Вы прощаете, и вам простится. Не имей зла, нужно победить его, если оно в тебе есть, если оно кипит – вот тут уж надо тогда кричать: «Ты помогай, я бессилен!» И Своим апостолам Спаситель сказал: «Вы без Меня ничего не сможете сделать, потому что Я Лоза, а вы ветви». То есть – всё на Нем. И если ты себя так чувствуешь по отношению к Богу – обращайся к Тому, Кто тебе может помочь...**КФ**

Сад памяти

Так назван мемориал на Бутовском полигоне, освящённый 27 сентября, на Воздвиженье

Текст: Александра Колымагина

Фото: Мария Кайкова

Перед литией по всем погибшим митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий сказал: «По благословию Святейшего патриарха мы в этом году поминаем всех, кто пострадал во время репрессий, начавшихся сразу после революции 1917 года... Памятник, который мы будем сегодня освящать, я бы назвал аллеей скорби, аллеей молитвы и памяти».

Тема подлинности памяти, необходимой для того, чтобы у народа было будущее, прозвучала в кратком слове Н.Д. Солженицыной: «Среди самых страшных ран, которые получил наш народ за время господства античеловеческого режима, – разращение наших душ, слепота и глухота к памяти. Без духовного целения ран невозможно построить чистые отношения в обществе, даже простое экономическое возрождение невозможно, потому что при таких неисцеленных духовных повреждениях всё равно из всех свобод всегда на первое место вырвется свобода бессовестности, а, значит, беспамятства, а значит, забвения. А духовное исцеление ран прежде всего требует правдивости, и смелости, и твёрдости в отстаивании правды. В поэме «По праву памяти» наш великий поэт Александр Твардовский сказал: «Кто прячет прошлое ревниво, тот вряд ли с будущим в ладу». Воздвижение мемориала, который мы сейчас открываем, – это верный шаг на пути к тому, чтобы мы были в ладу с нашим будущим».

Об этом же говорил член Совета Федерации В.П. Лукин: «Помнить абсолютно необходимо, знать абсолютно необходимо, но вдвойне важно знать всё, что произошло, молодому поколению. Потому что если этого не знать,

если это забыть, если каждый раз начинать с нуля нашу жизнь и рисовать розовые картинки нашей истории, где значатся только одни победы и хорошие события, то это приведёт к тому, что молодое поколение и то поколение, которое придёт за ним, окажется невооружённым перед лицом тех соблазнов, тех страшных трагедий, того ожесточения в душах, того ужасающего фанатизма, смешанного с полной безжалостностью в отношении человеческой личности, человеческого достоинства, которое привело к этой страшной трагедии».

После освящения мемориала сотни человек прошли по символическому расстрельному рву (150 метров в одну сторону и 150 – в другую), читая бесчисленные имена; многие искали на плитах имена своих родственников, кто-то пришел с их фотопортретами...

«Кифа» побеседовала с несколькими участниками открытия мемориала:

Это Ваш родственник?

Александра Беккаревич:
Да. Двоюродный дедушка.

Как хорошо, что Вы с портретом пришли. Скажите, Вы с детства знали, что он на Бутовском полигоне расстрелян?

Мой отец (он тоже «сын врага народа») не очень-то рас-

Митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий, председатель Церковно-общественного совета по увековечению памяти новомучеников и исповедников Церкви Русской, освящает мемориал «в память умученных и убиенных на святом месте сем»

сказывал об этом. Он был напуган и вообще он немного скрытный человек. Я знала, что и дедушка, и двоюродный дедушка были репрессированы и не вернулись из мест заключения, но то, что двоюродный дед был расстрелян, я узнала, только читая в начале 1990-х в ФСБ его следственное дело. О том же, что это произошло именно на Бутовском полигоне, я поняла уже ближе к двухтысячным годам, когда в интернете были опубликованы списки тех, кто здесь погиб.

Сегодня такие проникновенные слова звучали о том, как важно, чтобы в народе эта память жила. Как Вам кажется, что можно сделать, чтобы эта память действительно была и для всех была важна?

Сегодняшний день, я думаю, важен – то открытие мемориала, которое здесь произошло. Важно, что об этом расскажут. И вообще необходима дискуссия в обществе, чтобы оно не было расколото. Ведь это же трагедия, кровь. Почему же нельзя признать эту горечь? Из-за этого Россия никак не может оправиться. Из-за того, что она так относится к своим мёртвым.

Вы родственник кого-то из тех, кто здесь погиб?

У меня здесь похоронен дед, Дос-Мухамедов Джанганша.

Вы знали об этом в детстве?

Знал, что он погиб, а когда и где – мы не знали. Потом наши историки из Казахстана сюда приезжали, поднимали архивы и нашли здесь фамилию, имя, год, день, когда он был расстрелян.

А в Казахстане есть такие места памяти? Ведь многие лагеря там были расположены.

Да, есть. Мы помним этих людей. А в честь моего деду сейчас есть даже педагогический институт в городе Уральске.

Почему Вас заинтересовало это событие?

Пьер Авриль, постоянный корреспондент газеты «Фигаро»: Сейчас год 80-летия Большого террора. Мне интересно узнать, что осталось в памяти России от того периода, что думают о нём люди. С одной стороны, есть развитие культа Сталина, а с другой – осуждение того периода.

Во Франции ведь очень сильны были коммунисты. И для них разоблачение сталинизма в 1956 году стало крахом иллюзий. А сейчас есть ли у вас в обществе разные мнения по этому поводу?

Конечно. У нас есть, например, французский лидер Жан-Люк Меланшон, который набрал почти 15 процентов голосов на последних президентских выборах. Это человек, который говорит, что большевики и революция – это было положительное событие. Есть ещё люди, испытывающие ностальгию по коммунизму. И сейчас наследники коммунистической партии во Франции порой говорят, что Сталин не репрессировал всех этих людей.

Многие ли чем-то с Вами делились?

Волонтёр, помогающий Бутовскому музею в день открытия мемориала: В основном, конечно, просто проходят мимо, погружены в свои мысли. Грустное мероприятие.

А у Вас есть какое-то личное отношение к этому событию?

Сложно сказать. Хорошо, что есть память. Самое главное, я считаю, что нельзя об этом забывать, нельзя переписывать историю. Хорошо, что есть ещё люди, которые об этом помнят, которым предки об этом рассказывают, которые непосредственно с этим связаны, родственники погибших. Я считаю, это очень хорошо, что у нас сохраняется эта культура, что у нас так много православных людей.

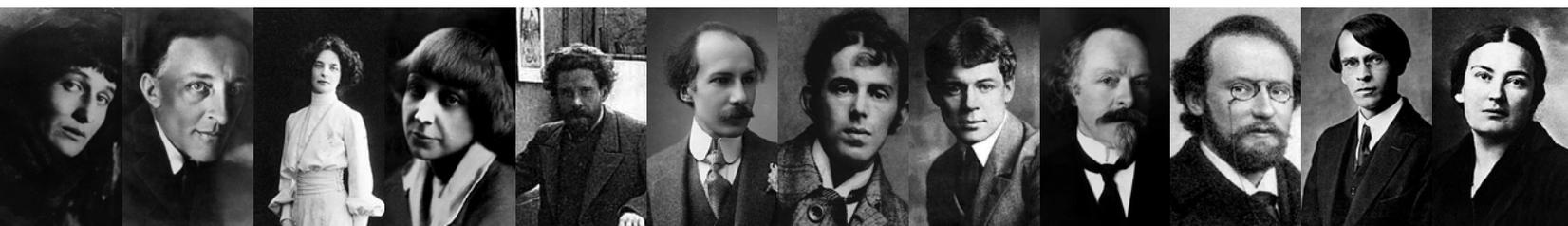
Многие ли родственники погибших приезжают сюда?

Волонтёры, члены прихода храма Новомучеников и исповедников Российских в Бутове: Да, многие. Приезжают с фотографиями, с материалами, с вырезками из газет того времени, даже до 1937 года. Приезжают внуки и правнуки тех, кто здесь пострадал. Это поколение сорокалетних, и нас тронуло до слез, что им это дорого, что это не потерянное поколение, а потомки наши, такие же, как мы. Им всё это тоже дорого, они тоже любят Родину, сожалеют, что произошли такие события тяжёлые. Люди эту память берегут и продолжают передавать дальше, своим детям. Народ мудрее всяких колебаний политики в этом отношении. Иногда по-тихому, но всё сохраняется. И вообще всё держится крепкой верой – и памятью. **КФ**

«Кто передаст потомкам нашу повесть?..»

28 сентября в Москве, в Центральном доме работников искусств, прошёл очередной концерт-размышление в рамках Акции национального покаяния

Текст: Александра Колымагина

На концерте прозвучали стихи поэтов Серебряного века – Анны Ахматовой, Александра Блока, Зинаиды Гиппиус, Марины Цветаевой, Максимилиана Волошина, Андрея Белого, Осипа Мандельштама, Сергея Есенина, Константина Бальмонта, Вячеслава Иванова, Владислава Ходасевича, Елизаветы Кузьминой-Караваевой

Вслед за стихами звучали произведения Баха, Брамса, Шумана, Рахманинова, Мусоргского. Несмотря на кажущееся разноголосье поэтических отрывков – от предельно точного уже с марта 1917 года видения Волошина

*Ни свечи не зажжены,
К обедне не звонят,
Все груди красным мечены,
И плещет красный плат.
По грязи ноги хлюпают,
Молчат... проходят... ждут...
На папертях слепцы поют
Про кровь, про казнь, про суд.*

до просоветских иллюзий Есенина

*Уже все чуяли грозу,
Уже все знали что-то,
Знали,
Что не напрасно, зная, везут
Солдаты черепах из стали.
Рассыпались...
Уселись в ряд...
У публики дрожат поджилки...
И кто-то вдруг сорвал плакат
Со стен трусливой Учредилки.
И началось...
Метнулись взоры,*

*Войной гражданскою горя,
И дымом пламенной «Авроры»
Взошла железная заря.*

– ближе к концу всё объединилось в трагическую картину великой катастрофы.

Потрясающее слушателей исполнение «Трепака» из «Песен и плясок смерти» Мусоргского ясно дало почувствовать то опьянение целого народа кровью, духом разрушения и саморазрушения, которое нераздельно связано с событиями 1917 года.

Итог подвели размышления участников страшных событий начала века – такие, как слова Елизаветы Юрьевны Кузьминой-Караваевой (матери Марии): «Не со стороны, не как историки, не холодным разумом знали мы, что Россия погибает, а каждый своим личным опытом ощущал эту гибель. У одних врезались в память штабеля тел тифозных на какой-нибудь станции, ждущих погребения, у других – голодные дети, обречённые на смерть, третьи видели момент гибели всей России в расстреле близких, переживая их ужас в подвале ЧеКа... За эти годы выросли бесчисленные могилы. И казалось, что в этих могилах лежат не только наши близкие и любимые, но и сама Россия...»

Завершился концерт призывом к молитве, к тому покаянному усилию человеческого духа, которое одно может сегодня вернуть нас на путь милости и правды. **КФ**

Решение, принятое в дни обстрела Кремля

Вопросу о том, нужен ли России патриарх, и если да, то кто им будет, было посвящено одиннадцать заседаний первой сессии Поместного собора 1917–1918 гг.

Обзор Деяний Собора: Александра Колымагина

Народ подходит с поздравлениями к новоизбранному патриарху Тихону

Священному Собору грозит опасность утонуть в море слов, а между тем события развиваются так быстро, что мы должны измерять даже важнейшие из них не месяцами и днями, а часами и даже минутами...

Эти одиннадцать заседаний проходили 11, 14, 19, 21, 23, 25, 28, 30, 31 октября, 2 и 4 ноября. Полемика была достаточно напряженной.

Часть соборян высказывалась за патриаршество: «Время повелительно требует подвига, дерзновения, и народ желает видеть во главе жизни церковной живую личность, которая собрала бы живые народные силы. И голос такой личности, несомненно, найдёт живой отклик в сердце народном. А как нам нужен этот голос, этот призыв к покаянию, исправлению и обновлению!»¹, считала, что необходимо «придать каноническую полноту русской Церкви»². Другая возражала и сомневалась: «пока не выяснены права и обязанности патриарха, мы не можем сказать, приемлема ли для нас идея патриаршества»³, «на практике носители сана патриарха получали или даже присваивали себе права, не уместающиеся в понятие первого

между равными – в требование 34 Апостольского правила, и явно нарушали установленные канонами права епархиальных епископов»⁴. Среди тех и других были люди, считавшие вынесение вопроса о патриаршестве из Отдела о высшем церковном управлении на общесоборное обсуждение несвоевременным: «Существеннейшие вопросы в деле реформы церковной – это утверждение соборности и восстановление Соборов. Когда эти основные вопросы будут выяснены, тогда уже следует поставить и вопрос о возглавлении Собора митрополитом или патриархом»⁵.

28 октября (по старому стилю. – *Ред.*) часть соборян (более 60 человек) выступила с предложением прекратить прения. Подписанное ими обращение огласил представитель Петроградской епархии протоиерей П.Н. Лахостский, добавивший от себя: «Священному Собору грозит опасность утонуть в море слов, а между

тем события развиваются так быстро, что мы должны измерять даже важнейшие из них не месяцами и днями, а часами и даже минутами...»

Предложение прекратить прения было принято. Епископ Астраханский Митрофан (Краснопольский), председатель Отдела о высшем церковном управлении, подвёл итог: «Дело восстановления патриаршества нельзя откладывать: Россия горит, всё гибнет. И разве можно теперь долго рассуждать, что нам нужно орудие для собирания, для объединения Руси?»

После этого были поставлены на голосование и приняты 4 положения, выработанные Отделом о высшем церковном управлении:

1. В Православной Российской Церкви высшая власть – законодательная, административная, судебная и контролирующая – принадлежит Поместному Собору, периодически, в определённые сроки созываемому, в составе епископов, клириков и мирян.

¹ Доклад епископа Астраханского Митрофана (Краснопольского), председателя Отдела о высшем церковном управлении на заседании 11 октября.

² Там же.

³ Это мнение, как один из аргументов дискуссии (видимо,

прозвучавший на заседаниях Отдела или в кулуарах), полемически упоминается на заседании 14 октября.

⁴ Из выступления проф. Н. Д. Кузнецова на заседании 14 октября.

⁵ Из выступления графа Д. А. Олсуфьева (сторонника восстановления патриаршества) на заседании 11 октября.

Первым больше половины голосов набрал митрополит Харьковский Антоний (Храповицкий): в 159 из 309 поданных записок в числе трех имен называлось его имя (накануне он также возглавил общий список 25 кандидатов: за него был подан 101 голос; за ним следовали архиепископ Тамбовский Кирилл (Смирнов) (27 голосов) и митрополит Московский Тихон (Беллавин) (23 голоса)). После этого голосовали ещё два раза: сначала был избран архиепископ Новгородский Арсений (Стадницкий), затем митрополит Московский Тихон

Архиепископ Арсений (Стадницкий) входил в число трех кандидатов, из которых совершался выбор жребием

Митрополит Антоний (Храповицкий) был избран патриархом, если бы дело не решал жребий

Архиепископ Кирилл (Смирнов) был вторым в общем списке кандидатов в патриархи

2. Восстанавливается Патриаршество, и управление церковное возглавляется Патриархом.

3. Патриарх является первым между равными ему епископами.

4. Патриарх вместе с органами церковного управления подотчетен Собору⁶.

Так как прения были закрыты, несколько уже готовых выступлений были приложены к Деяниям собора в письменном виде, в том числе выступление проф. С.Н. Булгакова «Смысл патриаршества в России», Н.И. Троицкого «В защиту патриаршества» и А.В. Васильева «Патриаршество и соборность».

Последующие заседания были посвящены уже практическим сторонам дела: порядку избрания патриарха, избранию трёх кандидатов, а также вопросу о времени и месте и – уже более конкретно – назначению дня «для вынуждения жребия на патриаршее служение» (эти вопросы были актуальны, так как Успенский собор, где всегда происходило избрание патри-

архов, был поврежден при обстреле большевиками Кремля; решили, что ждать нельзя и избрание патриарха жребием состоялось 5 ноября в храме Христа Спасителя).

Выборы кандидатов проходили 31 октября в несколько этапов; из отобранных 30 октября двадцати пяти кандидатур нужно было выбрать троих. Первым больше половины голосов набрал митрополит Харьковский Антоний (Храповицкий): в 159 из 309 поданных записок в числе трёх имен называлось его имя (накануне он также возглавил общий список 25 кандидатов: за него был подан 101 голос; за второго и третьего кандидата в списке проголосовало в разы меньше соборян – архиепископ Тамбовский Кирилл (Смирнов) набрал 27 голосов, а митрополит Московский Тихон (Беллавин) 23 голоса). После этого голосовали ещё два раза: сначала из 24 оставшихся кандидатов был избран архиепископ Новгородский Арсений (Стадницкий), получивший 199 голосов из 305 записок с двумя

именами (любопытно, что накануне в общем списке кандидатов он оказался на шестом месте, набрав 14 голосов), потом из оставшихся 23-х – митрополит Московский Тихон (162 голоса из 291 записки).

5 ноября после литургии и специально составленного к этому случаю молебна в храме Христа Спасителя состоялось избрание патриарха жребием. Все три кандидата находились в это время в других московских храмах. После того, как старец Алексий, схимонах Зосимовой пустыни, вынул жребий и огласил имя патриарха Тихона, в Крестовую церковь, где тот в этот день служил литургию, отправилось посольство соборян и объявило ему, что он избран патриархом.

Невозможно не упомянуть, что всё это происходило в дни сражения за Москву и на заседаниях соборяне рассказывали о том, чему кто-то из них становился свидетелем⁷, вместе служили литии по отдавшим жизнь за веру и отечество. **КФ**

⁶ Здесь приведены по тексту Определения от 4 ноября 1917 года (то есть уже после утверждения Архиерейским совещанием, внесшим лишь небольшие стилистические правки).

⁷ Вот фрагмент 35-го Деяния Собора (4 ноября 1917 года). «В.А. Потолов: Ко мне обратились некоторые жители Москвы с просьбой довести до сведения Церковного Собора о тех зверствах, которые допускают солдаты по отношению к юнкерам, несмотря на сделанные обещания относительно их

безопасности. Указывали на случай, который подтверждает это. В лечебницу, где хирургом состоит врач Герцен, явились солдаты, вытащили четырех юнкеров, из которых двух убили, третий зарезался сам, не желая отдаваться в их руки, а четвертый убежал. Об этом следует записать; не найдет ли возможным Собор и сделать что-нибудь, представить, кому нужно, чтобы такие поступки не были допускаемы?»

Русская церковь первой ответила на вызовы Новейшего времени

Интервью со старшим научным сотрудником Центра истории религии и церкви Института всеобщей истории РАН А.Л. Бегловым

Беседовала Екатерина Алексеева

Алексей Львович, в чём, на Ваш взгляд, состоит значение Поместного собора 1917–1918 гг.? Та степень церковного соборного творчества, которую он продемонстрировал, была совершенно исключительным явлением в истории Русской церкви за весь период её существования. Русская церковь первой из всех Поместных церквей начала отвечать на Соборе на вызовы Нового и Новейшего времени: на демократизацию, изменение социального устройства, переход от традиционных аграрных обществ к обществу современного типа, изменение демографической ситуации и т. д. Задачей Собора было не воссоздание неких исторических форм, которые были закреплены в древних канонах или засвидетельствованы в памятниках русской церковной письменности; он попытался, сообразуясь с церковным преданием, создать фактически новые формы церковного управления, церковной жизни, адекватные этой принципиально новой ситуации, обществу, находящемуся в динамичном процессе становления. В этом его значение.

Впоследствии вопросы о роли мирян, об основах семейных отношений в христианской семье и многие другие будут обсуждаться во всех православных церквях. И не только в православных: II Ватиканский собор¹ тоже отчасти отвечал на эти вопросы.

Собор Российской Церкви был в этом смысле пионером. Да, конкретная буква каких-то его решений неприменима в современных условиях. Но, мне кажется, главный урок, который он нам даёт, главная соль всех определений – это именно творческий акт совмещения церковного предания со сложной, меняющейся и, мягко говоря, не очень комфортной для церкви социально-исторической ситуацией. В этом смысле он, безусловно, современен для своей эпохи и абсолютно укоренён в предании.

А в чём ещё проявилась та его исключительность, о которой Вы говорите?

Уникальность Собора определялась многим, в том числе историческим контекстом. И касалась не только того, что обычно бросается в глаза – большого количества

мирян в его составе – но и его статуса, и тех решений, над которыми он работал.

Статус Собора – и сам он прекрасно осознавал это своё положение – заключался в том, что он должен был закрыть одну страницу церковной истории и открыть другую, новую. Это был не рядовой собор, не просто «монтаж»: 200 лет вырезали, склеили концы, и всё продолжилось. Нет. В документах Собор неоднократно именуется «чрезвычайным». Реже он осознавал себя как «церковное Учредительное собрание», то есть как то собрание, которое заново пересоздаст Русскую церковь (понятно, что это было сопоставлением с тем Учредительным собранием, которое должно было по-новому определить основы государственного строительства России). Так что в каком-то смысле все другие соборы, которые должны были последовать за ним, носили бы уже другой статус.

На это «церковное Учредительное собрание» церковь считала правильным привлечь все свои составляющие: и епископат, и клир, и мирян. Поэтому представительство на Соборе Русской церкви действительно было абсолютно

¹ XXI собор Католической церкви, проходивший в 1962–1965 гг.

В документах Собор неоднократно именуется себя «чрезвычайным». Реже он осознавал себя как «церковное Учредительное собрание», то есть как то собрание, которое заново пересоздаст Русскую церковь (понятно, что это было сопоставлением с тем Учредительным собранием, которое должно было по-новому определить основы государственного строительства России)

беспрецедентным и дало ему высокую степень легитимности. Другое дело – это уже отдельный вопрос – как доходили его решения до мест; но это вопрос рецепции.

Какие из решений Собора стоило бы в первую очередь отметить?

Я бы не останавливался в данном случае на каких-то отдельных определениях, а смотрел на ту систему, которую Собор конструирует в своих решениях. Ведь все они взаимосвязаны друг с другом. Очень показательно, что всю систему церковного управления – от высшего до приходского уровня – Собор созидал, пытаясь соблюдать баланс между соборным и иерархическим началом, теми самыми качествами Церкви, которые зафиксированы в Символе веры: апостольская и соборная.

Я думаю, что решение о восстановлении патриаршества было абсолютно провиденциальным. Более того: сегодня мы могли бы, как мне представляется, предложить соборным новым аргументы в пользу восстановления патриаршества, в частности, литургический: ведь предстоятель у церкви, как и у епархии, может быть только один. При попытке поставить на это место коллегия возникает абсурд, как, например, в послании Петра I восточным патриархам, где он именуется Синод их «собратом и сослужителем». Восстановление этого утраченного ранее персонального начала на Соборе состоялось, и это, конечно, принципиальный момент. В условиях начинавшихся гонений Церкви нужен был духовный вождь; она его получила и так прошла весь советский период. Отношение к разным персонам было разным, но патриаршество как таковое, безусловно, было знаменем Церкви, которое в том числе позволяло ей сопротивляться и расколам, и различным провокациям. В этом смысле это было пророческое решение.

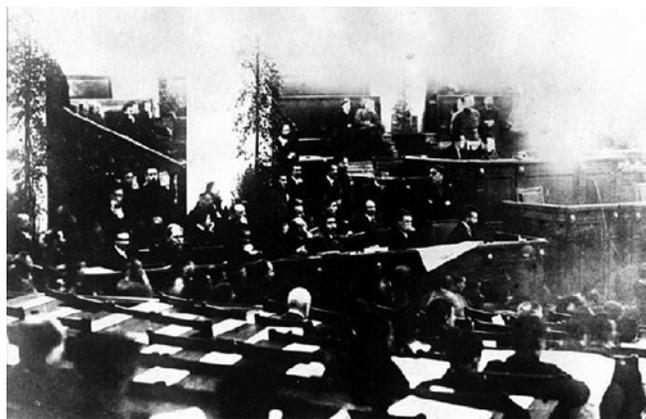
А какие из решений были не столь благоприятны для церкви?

Я уже сказал о том, что Собор пытался провести некий баланс между соборностью и иерархичностью на всех уровнях, но где-то у него получалось больше, где-то меньше. И если на уровне высшего церковного управления этот баланс был соблюден фактически с филигранной точностью, то на епархиальном уровне смещение произошло в сторону соборности, а на приходском – наоборот, в сторону иерархичности. Собор отклонил идею даже не избрности приходского священника (потому что этого

никто и никогда не предлагал), а возможности прихожан ходатайствовать о каком-то из своих кандидатов. Эта идея присутствовала во всех проектах приходского устава начиная с 1906 года, с Предсоборного присутствия, а Собор её отклонил на общем собрании, вернувшись фактически к идее назначения. Правда, формулировка в окончательном варианте устава двойственная: *выбор* священника осуществляется епископом (т. е. решение, принимать во внимание какие-то пожелания прихожан или нет, оставлено на усмотрение архиерея). С другой стороны, можно очень хорошо понять эту ситуацию: свои решения Собор принимал в условиях так называемой приходской революции, когда деревня бурлила, священники изгонялись сотнями, если не тысячами, и выборы де-факто существовали. Собор пытался ввести эту ситуацию в некие канонические рамки, поэтому поступил достаточно жестко. Такие дисбалансы в структуре, которую Собор выстраивал, были, но, мне кажется, не нужно их абсолютизировать. Ведь если бы церковная жизнь функционировала в более или менее мирных условиях и следующие соборы созывались бы и обсуждали проблемы церковной жизни и принимали по ним решения, совершенно очевидно, что эти определения Поместного собора по необходимости корректировались бы. Он и сам предполагал, что так будет происходить. Он выстраивал общую систему, некую «рамочную конструкцию», но детали могли быть исправлены. Другое дело, что очень многие решения действительно просто не дошли до стадии реализации.

Насколько Собор адекватно отреагировал на меняющуюся историческую ситуацию, особенно после октябрьского переворота? Может быть, Вы могли бы сказать несколько слов об определении, принятом в начале декабря 1917 года и касавшемся положения Русской церкви?

Даже не случись переворота, государственно-церковные отношения остались бы второй после патриаршества главной темой соборных дискуссий. Собор должен был сформулировать некие принципы жизни церкви в новом государстве. То, что государство новое и оно уже не будет принимать на себя тех конфессиональных обязательств по отношению к Православной церкви, которые принимала на себя Российская империя, было очевидно. Да, не было понятно, будет ли это полное отделение по самому радикальному в те годы французскому образцу или нечто более мягкое, но не вызывало сомнений то, что ситуация будет

Единственное заседание Учредительного собрания (большинство в котором получили правые эсеры) состоялось в Крещенский сочельник, 5 января 1918 года (ст. ст.), и продолжалось до 4 часов утра 6 января. После этого и само собрание, и многотысячные демонстрации в его поддержку были разогнаны большевиками

другой. Собор готовился к этому, и его определение, о котором Вы упомянули, принятое 2 декабря 1917 года «О правовом положении церкви в Российском государстве» – это, конечно, очень важный, выдающийся документ. Если очень коротко определить его суть, это проект договора с будущим Российским государством, проект конкордата: церковное Учредительное собрание обращалось к государственному Учредительному собранию с предложением о заключении договора. Он должен был бы, конечно, корректироваться, можно было бы вступать в какие-то дискуссии, если бы большевики не разогнали Учредительное собрание.

Принципы этого проекта – очень интересные. С одной стороны, соборяне последовательно предлагают государству признать не *господствующий*, как было ранее, а *первенствующий* статус Российской православной церкви – первенство чести, что не предполагает правового умаления иных религиозных традиций. А с другой стороны, они подчеркивают, что церковь мыслит себя как часть общества, а не как часть государственной машины, как было ранее, и предлагает государству сотрудничать на определенных условиях, но при этом предполагает, что возможны и определенные конфликты. Эта идея со-работничества, со-дружества, со-трудничества государства и церкви очень важна для соборного определения. Именно на неё обращает внимание один из авторов – Сергей Николаевич Булгаков (будущий о. Сергей) в декларации, которая предшествовала этому документу.

Что же касается иллюзий соборяне относительно большевиков, то на самом деле соборяне были детьми своего времени, и большинство из них оценивало события так же, как большинство их современников. А в последние месяцы 1917-го и первые месяцы 1918 года почти никто не воспринимал большевиков всерьез. Лишь единицы среди соборяне допускали, что свершившееся может быть надолго. (Можно было бы назвать, например, крупного церковного мыслителя Николая Дмитриевича Кузнецова, который участвовал в ряде обсуждений церковных вопросов с 1906 года. Он – один из немногих, кто говорил о том, что ситуация может быть более сложной, чем представляется большинству.) Еще один важный аспект: к осени 1917 года церковь вошла в достаточно жёсткий конфликт с Временным правительством по поводу церковно-приходских школ, которые были у церкви отобраны и переданы в Министерство народного просвещения. И на первой сессии Собора, действительно, раздавались такие голоса,

что любая власть, в том числе большевики, будут к церкви относиться лучше, чем Временное правительство.

И вот что важно: даже когда Собор очень резко реагирует на первые акты советской власти зимой и весной 1918 года, когда уже прозвучала анафема творящим беззаконие (без наименования большевиков, но все стороны, и они сами в том числе, прикладывали эту анафему именно к ним), когда Собор призывает верующих фактически к акциям гражданского неповиновения с целью добиться отмены ленинского декрета, принятого в январе 1918 года, вместе с тем он оставляет возможность для компромиссов, для переговоров. Он формирует делегацию по переговорам с народными комиссарами. Так уже в деятельности Собора мы видим две тенденции, которые потом как бы разделятся в жизни Русской церкви 1920–1930-х годов: с одной стороны, достаточно активная «антисоветская» позиция, а с другой – поиск компромисса. В деятельности Собора они слиты воедино. Причем очень часто обе позиции проявляются в деятельности одних и тех же людей. Потом, увы, они начнут расходиться и приведут к церковному разделению 1920–1930-х годов. А Собор закладывает обе эти возможности в своих реакциях на приход к власти большевиков. В этом смысле, наверное, тоже проявляется соборная мудрость.

Может быть, в заключение можно сказать если не о наследниках, то о каких-то искорках наследия Поместного собора?

Прежде всего нужно сказать, что церковь боролась за соборное наследие по крайней мере все 1920-е годы. И постоянная идея созыва очередного Собора (которая вообще-то ставила церковь в уязвимое положение, поскольку давала советской власти возможность шантажировать её), и некоторые другие вещи говорят о том, что и священноначалие, и духовенство, и церковный народ в целом стремились сохранить наследие Российского собора в текущей церковной жизни. Вопрос о новом соборе поднимался не только после смерти патриарха Тихона, когда это было уже вопиющей необходимостью, но и при его жизни – ведь нужно было заново выбрать органы

церковного управления. По решению Собора они должны были не просто назначаться Синодом (что патриарх сам рассматривал как временную, вынужденную меру), а выбираться очередным собором.

Борьба за соборное наследие происходила и на других уровнях, например, на уровне епархиальных управлений. Мы находим следы этих попыток под руинами рухнувшего в 1920–1930-е годы здания церковной жизни. Например, Собор решил, что число епархий будет довольно радикально увеличено: целью был епископ в каждом уезде, может, в двух-трех соседних уездах. И Собор предоставил священноначалию поставлять в соответствующие центры в крупных епархиях vikariev. На следующем соборе эти vikariatstva должны были быть преобразованы в самостоятельные епархии. Если мы посмотрим на списки епископов конца 1920-х годов, мы обнаружим, что в крупных епархиях – Московской, Петроградской, Владимирской, Нижегородской – более десяти vikariev. В некоторых епархиях их меньше, четыре-пять, но тоже гораздо больше, чем было раньше. Раньше их просто вообще могло не быть. Совершенно очевидно, что это подготовка к преобразованию vikariatstv в самостоятельные епархии. Очевидно, что епархиальные архиереи пытались воплотить в жизнь решения Поместного собора. Понятно, что большая часть этих владык оказалась в заключении, в тюрьмах, были расстреляны.

Может быть, самым неиспользованным документом

Собора был его приходской устав. Этот важный документ, к которому церковь очень долго шла, не реализовывался – по крайней мере, в том виде, в котором Собор это предполагал, по достаточно простой причине: он, во-первых, был неизвестен, а во-вторых, после того, как в феврале 1917 года рухнули бюрократические оковы, которые сковывали приходскую жизнь, приходская стихия сама себя начала устраивать, и прихожане взяли власть в свои руки, особенно на селе. И эту приходскую стихию Собору не удалось ввести в нормы канонического Устава, который он разработал. Но при этом именно благодаря этой достаточно активной приходской жизни произошло приходское возрождение 1920-х годов, возрождение множества различных церковных организаций, союзов, братств и т. д.

Поэтому нельзя сказать, что Собор блеснул, взорвался, как звезда, а потом только искорки остались. Происходила борьба, которая шла на протяжении ещё двадцати лет. Только в 1940-е годы, когда стало ясно, что церковное возрождение идёт на несколько других принципах, которые нужно согласовывать с властью, стало ясно, что реализация решений Собора отложена. Именно отложена – потому что он воспринимался как идеал на протяжении всего советского периода. Недаром же в 1988 году целые фрагменты текста нового Устава были заимствованы из тех или иных определений Собора 1917–1918 гг. Церковь перекидывала мостик через 70 лет – от 1918 года к 1988-му. КФ

Пленарное заседание фестиваля «Преображенские встречи» открылось в этом году воспоминаниями и размышлениями о наследии Поместного собора 1917–1918 гг.

Была ли у Церкви возможность изменить ход русской истории

Фрагмент круглого стола «Поместный собор 1917–1918 гг.: пути обновления церковной жизни», проходившего на пленарном заседании фестиваля «Преображенские встречи»

Участники круглого стола: Д.С. Гасак, священник Георгий Кочетков, Г.М. Запальский, священник Илья Соловьёв, Е.В. Белякова, Ю.В. Балакшина. Москва, август 2017 г.

Юлия Балакшина, председатель Свято-Петровского малого православного братства, ведущая круглого стола: Так сложилось, что Поместный собор собрался в момент коренного исторического перелома, когда судьба России менялась. Как вы полагаете, была ли у церкви в лице Собора возможность изменить ход русской истории? Почему Собор не смог воспрепятствовать крушению церкви и общества в России?

Священник Илья Соловьёв, кандидат исторических наук, директор Общества любителей российской истории: Церковный Собор стал важнейшим историческим событием прежде всего потому, что в нём приняла участие вся полнота церкви, свободно избравшая своих представителей: епископов, клириков и мирян. Кроме того, он был в значительной степени подготовлен большим периодом предсоборной работы, начавшимся в условиях революционных событий 1905–1907 годов.

¹ Голосование по вопросу о восстановлении патриаршества проходило 28 октября 1917 года, не только после большевицкого

Но трагедия Собора заключалась в том, что значительная часть его работы происходила в условиях гражданского противостояния, и члены Собора, по-видимому, не вполне отдавали себе отчёт в том, что голос церкви уже не будет иметь того значения, на который они рассчитывали. Отсюда характерное для соборян увлечение многочисленными декларациями и воззваниями, большое внимание к тем или иным политическим событиям. Конечно, реакция на то, что происходило в стране, была естественным процессом, но это в значительной степени отодвинуло рассмотрение собственно церковных вопросов и повлияло на их обсуждение. Например, в решении вопроса о патриаршестве огромное значение сыграла та обстановка, которая была за стенами соборной палаты¹.

Е.В. Белякова, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник института Российской истории РАН: Собор страшно запоздал. Все проблемы,

переворота, но и во время начавшегося сражения за Кремль между юнкерами и большевиками.

Церкви нужна была внутренняя свобода, нужно было какое-то мужество, личное просвещение, ответственность всех. Но всего этого Собор лишь искал, он не имел этого de facto внутри себя...

которые были на нём поставлены, уже были рассмотрены в Предсоборном присутствии в 1906 году. Если бы Собор был созван в то время, возможно, голос церкви был бы услышан, и можно предположить, что она адаптировалась бы к новым условиям и в какой-то степени сумела перестроиться. Но говорить о реформах тогда, когда в стране уже пылал пожар, было невозможно. Шла три года Первая мировая война, которая, собственно, и определила крах России. Именно она способствовала разрушению традиционной религиозности. 16 миллионов крестьян было мобилизовано, страна наполнилась вооружёнными людьми, солдатами и дезертирами. 60% мужчин призывного возраста покинули сёла, оставили семьи и ушли убивать на фронт. Окончания бессмысленной войны, унесшей миллионы жизней, ожесточившей людей, – вот чего ждали от Церкви. После падения самодержавия звать на смерть «за веру, царя и отечество» было бессмысленно. От Церкви ждали, что она будет говорить о мире. Но она была не готова об этом говорить, так же как и не пыталась остановить вступление России в Первую мировую войну.

Глеб Михайлович Запальский, кандидат исторических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой истории церкви исторического факультета МГУ: Действительно, есть мнение², что не то что собор, а ещё за полгода до собора церковь в лице Святейшего Синода могла бы остановить ход революции, если бы решительно осудила её и высказалась бы твёрдо, и что в качестве нравственного авторитета она могла бы повлиять на народ. Но всё, что мы знаем об этих событиях, показывает, что это взгляд довольно утопический. Синод

не обладал в реальности нравственным авторитетом, и к его мнению мало кто прислушивался. Вспомним, что чуть раньше, в начале XX века, отлучение Льва Толстого от церкви – ещё одно громкое решение, принятое Синодом, которое теоретически, наверное, должно было привести к тому, что общество отшатнётся от анафематствованного еретика, – на самом деле вызвало, скорее, взрыв симпатии, сочувствия к графу Толстому и, напротив, осуждение Синода, который посмел возвысить голос против народного писателя.

Кроме того, в 1917 году (я бы не разделял Февраль и Октябрь – это единый революционный процесс, это одна революция) «сани покатались с горы», а в таких случаях остановить их на её середине невозможно. Поэтому, разумеется, не только Синод в феврале, но и Собор – и в августе, и в дальнейшие месяцы своей работы – остановить эти события не могли.

Я бы ещё вот на что обратил внимание: сам Собор произошёл благодаря революции. Так уж получилось, что при императорской власти он оказался невозможен. Именно революционная власть дала возможность провести Собор. Однако сам вопрос, который Вы задаёте, как бы исходит из того, что Собор – это некая контрреволюционная сила (как потом это будут представлять большевики). Но всё гораздо сложнее: революция вызвала Собор к жизни, и многие решения Собора были приняты под влиянием революционной атмосферы. Жажда безудержной демократизации, тотальной выборности без всяких границ и рамок тоже очень сильно повлияла на Собор. Поэтому нельзя сказать, что он сам ставил перед собой задачу остановить революцию. Скорее были попытки смягчить наиболее острые революционные проявления.

² Прежде всего его высказывает современный исследователь М.А. Бабкин.

Ю. В. Балакшина: Да, как историк я с Вами не могу не согласиться, но, с другой стороны, когда читаешь свидетельства о Соборе, возникает ощущение, что это было очень значительное духовное событие, что Дух Божий действовал посреди собравшихся людей. И в какой-то метафизической, эсхатологической перспективе у меня почему-то есть надежда, что если бы они действительно трезвенно и вовремя отреагировали, увидели, каковы те духи, которые разбушевались в стране, и нашли бы на это соборный ответ, то, может быть, всё могло бы быть по-другому.

Священник Георгий Кочетков, ректор Свято-Филаретовского института: Во-первых, сам заданный сейчас нам вопрос – это вопрос сослагательного наклонения в истории. Известно, что люди очень по-разному относятся к тому, возможно ли вообще ставить такие вопросы.

Во-вторых, конечно, когда мы смотрим назад, туда, в столетнюю даль, нам всё время хочется что-то поправить. Почему Собор не заклеил большевиков? Почему он не наложил интердикт? Почему он не сделал того, другого, третьего... Нам хорошо судить через сто лет. Но интересно, что бы мы сами делали тогда.

Конечно, если прямо отвечать на вопрос, всё-таки приняв его правомерность (а коль уж профессиональные историки отвечали на этот вопрос, значит, они её принимают), то я бы ответил на вопрос, была ли возможность изменить ход русской истории: «И да, и нет». Собор мог что-то изменить в значительно большей степени, чем он это сделал. Здесь была и какая-то ошибка с его стороны. Мы должны трезвенно смотреть на историю, и беда-то в том, что когда мы говорим о социальном фоне, о революции, о Великой войне, и так далее и так далее – мы исходим из определённых историософских представле-

ний, из определённых концепций, которые тоже отнюдь не бесспорны и уж точно не общеприняты. У нас вообще нет общепринятой концепции истории России и Русской церкви XX века. Это принципиально важно никогда не забывать.

Так была ли у собора возможность изменить ход русской истории или нет? В чём-то, я думаю, всё-таки была. Можно и нужно было принимать более решительные меры, когда собор голосовал во время обстрела Кремля. Да, треть участников проголосовала за решительный отпор со стороны Собора. Это немало. Но они проиграли. А надо было выиграть.

Можно было сделать и что-то иное. Можно было ускорить обновление церкви без обновленчества. Но все тенденции, которые возникли чаще всего лишь в конце XIX, начале XX века, конечно, ещё не развились в достаточной степени и не могли сыграть решающей роли на соборе. В сложившейся ситуации церкви нужна была внутренняя свобода, нужно было какое-то мужество, личное просвещение, ответственность всех. Но всего этого Собор лишь искал, он не имел этого *de facto* внутри себя. Нужно было умение жить в свободе, в том числе в свободе от государства. Но церковь и тогда этого не умела, и сейчас, к сожалению, не умеет. Этого не было ни в церкви, ни в обществе, ни в народе.

Поэтому Собор скорее не мог изменить хода истории России. Видимо, надо было пережить крушение, великие страдания, ограбление, предательства и позор поражения в истории и современности в народе и обществе; нужно было церкви превратиться в меньшинство для того, чтобы трезвенно оценить самоё себя, чтобы не витать в облаках или не посыпать с утра до ночи голову пеплом. И это – наша задача. Сто лет прошли, у нас есть уже хорошая аргументация по этому поводу. Я думаю, что пришла пора делать исторические выводы. **КФ**

Октябрь 1917

Текст: Александра Колымагина

Юнкера на защите Москвы от большевиков

Странным казалось бы рассказывать подробно про события октября 1917 года. Все знают, что в этом месяце (по старому стилю) произошёл большевицкий переворот, который в течение семидесяти лет называли ВОСР (Великой октябрьской социалистической революцией). Некоторые и сегодня так его называют.

Тот, кто захочет более полно представить себе картину (иногда абсолютную абсурдную) событий конца октября, найдёт подробное и последовательное их изложение в «Красном Колесе»¹. Здесь же, в газетном формате, возможно привести лишь отрывочные подробности. Тем не менее иногда и они оказываются говорящими.

В ожидании Учредительного собрания

О степени раздражения и даже отчаяния людей от растущего безвластия можно судить по записи, появившейся в конце сентября в дневнике тонкого стилиста Михаила Пришвина: «В начале революции было так, что всякий добывающийся власти становился в обладании ею более скромным, будто он приблизился к девственности...» (И дальше жёстко и абсолютно нецензурно комментируется, что делают теперь с той же самой властью «солдаты и все депутаты без стеснения».)

После неудачи корниловского выступления Временное правительство в течение практически всего сентября было урезано до Директории, состоявшей из пятерых человек. Только 25 сентября было создано очередное коалиционное правительство, основу которого по-прежнему

составлял набор кадетов², меньшевиков и эсеров. Параллельно с правительством работал так называемый «Предпарламент» – «Временный совет Российской республики», совещательный орган из пятисот с лишним человек (всеми воспринимавшийся как бесплодная говорильня). Лишь изредка там звучали слова, которые сегодня стоит вспомнить, например, такие: «У нас гипноз пустословия, живём в сумасшедшем доме; авантюристы, воры, профессиональные убийцы начинают творить историю русской революции» (из встреченной смехом и негодованием со стороны представителей левых партий речи известного деятеля Освободительного движения П.Б. Струве).

Все ждали предстоящего Учредительного собрания, задачей которого было решить вопрос о власти. К последним числам октября до выборов в Учредительное собрание оставалось три недели, а до его созыва – месяц с небольшим.

Тактика большевиков

В октябре большевики, вновь оказавшиеся «на коне» (хотя Ленин и Зиновьев продолжали скрываться), открыто готовились к перевороту. В отличие от июля, они не скрывали своих планов (а правительство, проявляя повышенную «корректность», не принимало никаких мер: ведь нельзя же посадить в тюрьму за планы и разговоры? И вообще – главная опасность всегда грозит справа). Ещё 12 октября при Петроградском совете был создан Военно-революционный комитет (направляемый Троцким³) – как бы для борьбы против контрреволюции и защиты прав

¹ Александр Исаевич Солженицын. «Красное колесо. Узлы V–XX. На обрыве повествования». Глава «Действие третье. Переворот» (все цитаты в тексте – из этой части эпопеи).

² Возможность включать в правительственную коалицию кадетов была в сентябре предметом жёсткой дискуссии всё более поднимающих под себя власть «революционных демократов». Голосование по этому вопросу на многолюдном Демократическом

совещании представителей социалистических партий и групп было достаточно противоречивым. Только благодаря выступлениям Керенского и Церетели было принято решение о возможности включения кадетов в правительство. После этого решения большевики покинули Демократическое совещание.

³ В этот момент он председатель Петросовета, а также делегат Предпарламента.

гарнизона. 16 октября ВРК был утверждён пленумом Совета и начал вести себя как фактическая военная власть в Петрограде, штаб восстания. Усиленно вооружались с казённых военных складов рабочие Выборгской стороны.

Сначала распространился слух, что большевики выступят 20 октября. Накануне многие петроградцы, кто мог, уехали из города, а многие – не решались выходить из дому. Штаб Военного округа и Зимний дворец (резиденция Временного правительства) охранялись броневиками, патрули и отряды охраняли телеграф, телефон, банки, «Асторию». Но Временное правительство не решилось ни на один предварительный арест, тем более – Троцкого. 20-го большевики не выступили, и общее тоскливое ожидание отразилось в словах Зинаиды Гиппиус: «Теперь, говорят, назначили на 25-е; скорей бы нарыв прорезался, так жить нельзя».

Второй особенностью тактики большевиков стал отказ от вовлечения масс в переворот: никаких демонстраций и толп на улицах, небольшие мобильные отряды постепенно и незаметно для обывателя захватывали ключевые точки⁴.

Третья особенность – «перевёртышество»: каждый свой шаг по захвату власти они изображали как оборону, «защиту завоеваний революции»; отказ от вывода гарнизона – «для защиты Петрограда от немцев»; распоряжение Военно-революционного комитета взять под

контроль военную власть⁵ – «для контроля над штабом Округа»... Так как именно «перевернутое» описание событий 1917 года господствовало в течение всех 70 лет советской власти, то мы постоянно и до сих пор будем в самых разных местах наткаться на остатки абсурдных

Два человека проявляли в эти дни нечеловеческую демоническую активность: глава большевиков Ленин и председатель Петросовета Троцкий

⁴ «С двух часов ночи с 24 на 25 октября представители Военно-революционного комитета брали небольшие проверенные отряды из разных казарм и занимали: Государственный банк (первое из ленинских требований!), казначейство, вокзалы, мосты, электростанцию, телеграф, телефон, почтамт, военные и продовольственные склады. Всё это происходило неслышно, отряды юнкеров без боя уходили, это шло как смена караула. Сопротивления не было нигде, слабость правительства превзошла все ожидания. И только военная неопытность ВРК помешала взять в эту же ночь почти не охраняемые Главный Штаб и Зимний, взять и Керенско-го», – пишет Солженицын.

⁵ Вот как этот эпизод описывается в «Красном Колесе»: «В эту ночь (с 21 на 22 октября. – Ред.) представители ВРК являются в штаб Петроградского военного округа и предъявляют требование: отныне все распоряжения по гарнизону должны получать утверждение от ВРК. Полковников (командующий Округом. – Ред.) отказался, да ведь уже и так существует совещание Центрального исполнительного комитета при Петроградском военном округе. Представители ВРК удалились. – Что делает штаб? Ничего: ведь наблюдение Совета над штабом вводили и в апреле, ничего в нём нового нет, и сколько уже раз гарнизон обещал верность Совету; а открыто большевики не выступили, нечего давить».

В течение многих лет за кадры кинохроники октябрьских событий выдавались кадры художественного фильма «Октябрь», снятого в 1927 году и положенного на полку из-за множества эпизодов с участием осуждённого за время создания фильма Троцкого.

(стоит только задуматься над смыслом) выражений – таких как «антисоветский мятеж юнкеров».

Нужно сказать, что политика всегда связана с определённой долей лукавства. Но та беззастенчивая ложь, к которой прибегали большевики, бесконечно далеко выводит их из ряда всех других партий. Кроме «перевёрнутого» описания медленно развивавшегося переворота, кроме пресловутых «мира, земли и свободы», обернувшихся непрекращающейся явной и неявной гражданской войной, вторым крепостным правом в образе колхозов и тоталитарным рабством, это ещё и целый набор более мелких большевицких тезисов, которые мы теперь, зная, что произошло дальше, можем оценить по достоинству:

- «Хотя мы за “всю власть Советам”, но мы и не против Учредительного собрания. При власти в руках Советов Учредительное собрание обеспечено и его успех обеспечен».
- «Если гражданская война произойдёт, большевики введут её в гуманные рамки».
- «Мы, большевики, с первой минуты готовы к соглашению!» (при обсуждении 29 октября под давлением грозивших забастовкой железнодорожников возможности примирения и коалиционного правительства социалистов).

Вспоминая февраль

Известное высказывание Гегеля «Все великие всемирно-исторические события и личности повторяются дважды: первый раз как трагедия, а второй – как фарс» в отношении к октябрю 1917 года приходится перефразировать. Многие события февраля действительно повторились, но лишь как гораздо более страшная трагедия.

- Полная беспомощность и правительства, и руководства

военного округа практически дублируют беспомощность последнего Совета министров Российской империи (и усугубляются попытками переговоров с большевиками или с осуждающими их методы, но всё-таки покрывающими их представителями «революционной демократии»). После взятия Зимнего в 2 часа ночи с 25 на 26 октября арестованных министров (кроме Керенского, которому удалось ещё утром ускользнуть на машине американского посольства⁶) ведут в Петропавловскую крепость, где все последние месяцы сидели министры до-февральского правительства. (Через некоторое время министров-социалистов большевики выпустили, чтобы не ссориться пока с остальными социалистическими партиями; остальные министры остались сидеть в крепости.)

- В 10 часов утра 25 октября ВРК посылает радиogramму по стране (как в феврале Бубликов рассылал по телеграфной сети железных дорог): «К гражданам России. Временное правительство низложено, государственная власть перешла в руки ВРК; дело, за которое боролся народ, обеспечено». (Зимний ещё не взят, правительство ещё существует, но это мелочь.)

• Первыми жертвами переворота вновь становятся офицеры – правда, на этот раз офицеры будущие: юнкера многочисленных военных училищ. О том, как несколько дней вели бои с большевиками московские юнкера, относительно широко известно. Но (пусть и менее масштабно) такие же выступления были в те же дни и в Петрограде, были бои и в Киеве. Ночью с 28 на 29 октября в надежде на скорый приход Керенского с войсками юнкера нескольких училищ Петрограда заняли телефонную станцию, сделали набег на Михайловский манеж, захватили несколько броневиков. Утром «останавливаются заводы, рабочих

⁶ «Керенский, всю ночь не спавший, выпросил у американского посольства автомобиль с американским флагом и на нём устремился вон из города по гатчинскому шоссе: он поедет навстречу

войскам! он сам их приведёт сегодня же к вечеру! (Власть Февраля умирает без чести.)» («Красное Колесо»).

...владимирцы сопротивлялись отчаянно до второй половины дня; осада, ружейно-пулеметная перестрелка с соседними домами, уже ни одного целого окна.

Большевики подвезли трехдюймовые пушки, броневики, разворотили училище до брешей. Когда взяли – выбрасывали юнкеров из окон, жестоко избивали и закалывали сдавшихся, не давали перевязывать раненых; мертвым отрубали головы, руки, ноги, снимали с них шинели и сапоги

Обращение Преображенского братства

Дорогие братья и сёстры!

Приближается 100-летняя годовщина октябрьского переворота 1917 года. Помимо церковно-общественных событий, которыми Преображенское братство планирует отметить этот трагический юбилей, нам важно обрести собственно церковные формы памяти о Русской Катастрофе и её последствиях.

В связи с этим предлагаем:

1) Членам Преображенского братства (а по возможности и всем в церкви и обществе) взять на себя особый юбилейно-поминальный пост с 25 октября по 7 ноября 2017 г. (с размышлением о духовных причинах и итогах революции в России, по желанию ежедневным чтением одной из покаянных молитв о России, с пищевым ограничением по личной мере и желанию каждого);

2) Во всех малых братствах провести 29 октября, в преддверии Дня памяти жертв советских репрессий, или в любой другой удобный день поминального поста поминальную трапезу, во время которой каждому молитвенно вспомнить своих родных по плоти и духу людей, так или иначе пострадавших в этом столетии. Закончить трапезу мы предлагаем минутой (3 минутами) молитвенного молчания (может быть, со свечой и по возможности возгласением в заключение «Вечной памяти», например, так: «Во блаженном успении вечный покой подай, Господи, всем в советские времена насильственно пострадавшим, искалеченным и убиенным – и сотвори им вечную память!»). В этом должны отразиться наш траур и наша Надежда. Жертвы советских репрессий должны быть оплаканы и их жертва должна принести свой плод в осуществлении нашей общей великой Надежды!

3) Подобное же молитвенное молчание предлагаем провести всем нам и всем людям, имеющим память, веру и совесть, 7 ноября в 19:00 во всех границах бывшей Российской империи, во всех народах, церквях и обществах. При этом на одежде, в руках или на рукавах у всех могут быть соответствующие значки, знаки, знамёна или хоругви. ☒

Духовный попечитель Преображенского братства
священник Георгий Кочетков
Председатель Преображенского братства
Дмитрий Гасак

наскоро вооружают в Петропавловской крепости и шлют на училища. Константиновское, Николаевское, Михайловское сдались без боя. Вокруг Павловского был бой, но главный вокруг Владимирского на Гребёцкой (ныне Пионерской. – *Ред.*) улице; владимирцы сопротивлялись отчаянно до второй половины дня; осада, ружейно-пулеметная перестрелка с соседними домами, уже ни одного целого окна. Подвезли трехдюймовые пушки, броневики, разворотили училище до брешей. Когда взяли – выбрасывали юнкеров из окон, жестоко избивали и закалывали сдавшихся, не давали перевязывать раненых; мёртвым отрубали головы, руки, ноги, снимали с них шинели и сапоги. (Первая ярость гражданской войны. В Петрограде говорят: «кровавое воскресенье», и вдвое больше убитых, чем в 1905 году.) Вокруг телефонной станции (с защитой и броневика) бой до вечера, отбитые атаки; вечером матросы и красногвардейцы берут станцию, нескольких раненых юнкеров бросили в Мойку, достреливали в воде; сбрасывали и с крыши... В Киеве к 31 октября после двух дней боёв убито больше 300 юнкеров, победители издевались над трупами», – свидетельствует Солженицын. В Москве похороны погибших юнкеров вылились в народную манифестацию. Тем временем Луначарский (будущий нарком просвещения) в «Известиях» (уже ставших большевицкими) оправдывает резню: «Разве матросы и солдаты, крайне раздражённые против юнкеров, не вправе были прийти в негодование?», а Троцкий на заседании Петросвета заявляет: «Когда юнкера отказались сдать, то наши орудия сравнивали училище с землёй... Теперь возможен только беспощадный бой, беспощадный расстрел, беспощадная месть; мы завоевали власть, теперь надо удержать её; за каждого убитого революционера мы убьём пять контрреволюционеров; путей к соглашению нет».

Юноши и мальчики, проявившие больше мужества и верности, чем большинство взрослых, стали первыми жертвами начинавшейся гражданской войны. ☒

«Большевизм стал искусительным соблазном для нашего народа»

На одной из встреч лектория «Человек и личность в эпоху кризисов и перемен: 1917–2017» (Санкт-Петербург)

В течение нескольких лет Преображенское братство и Мемориально-просветительский и историко-культурный центр «Белое Дело» объединяют совместные проекты. Среди них – лектории, тематические встречи, поездки по местам памяти жертв минувшего столетия. Одним из главных совместных дел стал открытый лекторий «Человек и личность в эпоху кризисов и перемен: 1917–2017», организованный радиостанцией Петербургской митрополии «Град Петров», Свято-Филаретовским православно-христианским институтом и центром «Белое Дело».

Нам хотелось бы ближе познакомить читателей «Кифы» не только с деятельностью «Белого дела», но и с теми основаниями, на которых оно стоит. И для начала мы публикуем в этом номере фрагменты его декларации.

Из Декларации «Белого дела»

В XX веке Россия пережила национальную катастрофу. Большевизм оказался не только богоборческой доктриной, отрицавшей Христа, историческую традицию, право и личное достоинство, но и стал искусительным соблазном для нашего народа. Упорная попытка построить социальную утопию и распространить её по всему миру превратилась в греховное противостояние Богу и Его нравственным установлениям. Одновременно последовательно и упрямо разрушалась собственная страна, попирались её культура и прошлое. За два десятилетия своего правления большевики почти физически уничтожили самую крупную Поместную Православную Церковь мира. Исчезли все традиционные сословия до-революционного русского общества, произошли кровавые расказачивание и раскрестьянивание России. Историческое российское пространство разделили искусственные границы. Первые 35 лет советской власти

унесли жизни более 50 миллионов наших соотечественников, не менее 2 миллионов вынужденно покинули родину.

Человеческие и интеллектуальные потери, понесённые Россией после Октябрьского переворота 1917 года, невосполнимы. Однако по сравнению с физическим опустошением страны не менее разрушительные последствия имело опустошение духовно-нравственное, привнесённое в наш народ принудительным лицемерием. Каждодневная и обязательная ложь, быстро входившие в привычку двоемыслие и цинизм, искусственный энтузиазм, демонстрация «общественно-полезной», но насквозь фальшивой активности разрушали дух и душу не менее чем бытовая нищета, страх и подневольный труд. Лояльное поведение превращалось в бесчестное послушание. В конце концов, деградация партийной номенклатуры, неэффективность ленинско-сталинской экономической модели и тотальная

ложь на всех уровнях жизни разрушили Советский Союз.

Как с таким наследием жить в XXI веке?

К какому прошлому обращаться?

Чей опыт осмысливать?

Как менять собственную жизнь сегодня, и какими становиться завтра?

Наши силы и возможности более чем скромны. Но мы искренне хотим отдать их делу российского возрождения, ища в этом для себя бескорыстного служения родине и исполнения личного долга перед Богом. Дореволюционная Россия и связанное с ней Русское Зарубежье сегодня принадлежат истории. Но мы хотим посылно продолжить традицию Белого движения, положившего начало самоотверженной борьбе русского общества за родину, честь и свободу, как писал о том знаменитый журнал «Часовой». Ценный политический, идейный, творческий и моральный опыт небольшевистской России должен быть востребован сегодня. **КФ**

Братский помянник

В этом номере мы снова хотели бы вспомнить имена православных верующих общинного и братского духа, живших в XX веке и закончивших свой земной путь в октябре.

11 октября

Мученица Анна Лыкошина
(1884–1925),
Спасское братство

1925 года в возрасте 41 года погибла в Соловецком лагере Анна Лыкошина, член Спасского братства (Петроград). В 1919 году Анна вступила в «двадцатку» (приходской совет) Сергиевского собора. В 1924 году по уголовному «делу Спасского братства» была приговорена к двум годам лагеря. Причислена к лику святых в 2000 году.

26 октября

1937 года в Великом Новгороде были расстреляны

священники Димитрий Твердынский, Алексей Успенский, Александр Васильев и мирянин Виктор Наговский. Они не входили в братство владыки Макария (Опоцкого), однако были близки к нему до 1933 года.

28 октября

Святитель Афанасий
(Сахаров) (1887–1962)

1962 года скончался епископ Афанасий (Сахаров). О себе он писал: «27 июня 1954 года исполнилось 33 года архиерейства. За это время: на епархиальном служении 33 месяца. На свободе не у дела 32 месяца. В изгнании 76 месяцев. В узах и горьких работах 254 месяца. Обычно в жизни бывает: чем дольше разлука, тем больше ослабевают связи. Христианская любовь изменяет этот порядок. Мои добрые заботники, движимые христианской,

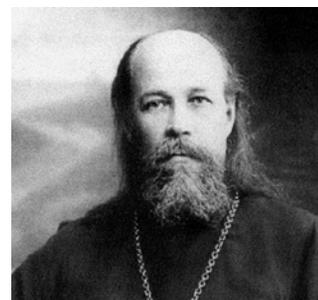
а не мирской любовью, с каждым годом усиливают проявление своей заботы и попечения...» Многие общины непоминающих, включая духовных чад о. Михаила Шика, считали владыку Афанасия своим епископом. После избрания патриархом Алексия I (Симанского) епископ Афанасий в письмах к своим духовным чадам призывал их к воссоединению с руководством Русской православной церкви; благодаря этому во многом было преодолено церковное разделение, возникшее после принятия Декларации митр. Сергия (Страгородского). Причислен к лику святых в 2000 году.

30 октября

1959 года отошла ко Господу монахиня Макария (Костецкая) (1889 – 1959). Происходила из дворянского рода. До 1918 г. преподавала в Николаевском сиротском институте в Петрограде. В 1919–1920 гг. была членом Захарьевского братства в Петрограде, в декабре 1920 г. перешла в Александро-Невское братство. В 1921–1922 гг. училась в Петроградском Богословском институте. Стала основательницей и старшей сестрой иноческой общины Александро-Невского братства на Конной ул. с 1922 г. до

ареста в 1932 г. После 5 лет в Карагандинском лагере проживала в общине архим. Гурия (Егорова) в Фергане, скончалась в Ташкенте.

30 октября

Протоиерей Философ
Орнатский
(1860–1918)

1918 года вместе с двумя своими взрослыми сыновьями был расстрелян известнейший священник Петрограда, председатель Общества распространения религиозно-нравственного просвещения, основатель Христианского содружества учащейся молодёжи прот. Философ Орнатский. Он был инициатором многотысячного крестного хода в защиту Александро-Невской лавры в феврале 1918 года. Среди его многочисленных инициатив – содействие в создании Эстонского православного братства в Петрограде во имя Исидора Юрьевского. Отец Философ входил в совет этого братства. **КФ**

В поисках подлинных корней

Интервью с организаторами и участниками юношеского собора-лагеря

Беседовали Александра Колымагина

Сколько лет Вы ездите в Юношеские соборы-лагеря?

Ольга Сеницына, руководитель детско-юношеского центра Преображенского братства, 44 года: Я езжу в них уже семь лет – всё время, что они существуют. И каждый раз директором.

Пётр Озерский, 22 года: В общем лагере однажды я уже был, а вот в экспедицию в этом году поехал впервые.

Нина Колымагина, 12 лет: В этом году я была в первый раз.

И что, на Ваш взгляд, в них самое главное?

Ольга Сеницына: Самым главным в них всегда было соби́рание во Христе. У подростков здесь есть возможность укрепиться в понимании того, что и они Богу интересны и важны. Они видят, что Он принимает их молитвы, их ответственность, их маленькое усилие и отвечает им – отвечает через особую атмосферу в лагере, через дружество, через сотрудничество, через взаимопомощь, через те открытия, которые происходят в экспедициях и в нашем общении.

Но наши соборы – это ещё и попытка научиться отвечать за то место, где ты родился, где растёшь, и обрести преемственность, утерянную за годы советской власти. Это особенно интересно тем, что считается, будто подросткам обычно неинтересна никакая история. Но в пространстве лагеря особым образом открывается тема поиска той России, которую мы не знаем и которую мы потеряли.

Пётр Озерский: Важнее всего для меня была возможность жить вместе с нашими братскими подростками настоящей, интересной, цельной христианской жизнью. Для меня это такой камертон, по которому можно оценивать свою обычную жизнь уже здесь, в Москве: дотягиваешь ли ты до этого уровня? Для молодёжи ЮСЛ

Наверное, главное – это молитва. И ещё то, что там мы все вместе, как одна семья.

особенно важен, т. к. он даёт почувствовать ответственность, выбраться из скорлупы индивидуализма и хоть немного пожить не для себя.

Нина Колымагина: Наверное, главное – это молитва. И ещё то, что там мы все вместе, как одна семья.

Тема юношеских соборов вот уже два или три года связана с поиском русского человека. Почему Вам лично это интересно и какого результата Вы хотите добиться?

Ольга Сеницына: Я думаю, что все эти семь лет то, что мы делали, это и был поиск русского человека. Просто раньше мы так это не формулировали. Мы говорили о поиске России, которую мы потеряли. Помню, в самом начале многие скептически относились к нашей идее. Ведь людей, которые знали ту Россию, – их просто уже не осталось на белом свете, они состарились, умерли. Никаких новых интересных архивов, казалось бы, тоже не осталось, и непонятно, что искать, если этого уже и нет. Но наш вопрос был Богом принят, и стал даваться ответ. Каждый год мы находили интересных людей, которые могут нам рассказать о той России. Нам открылся архив Александры Алексеевны Ершовой (урождённой Штевен) – архив, о котором никто не знал. И, конечно, в поисках той России, которую мы не знаем, мы не случайно вышли на тему русского человека. Ведь чтобы что-то возродить или стать наследниками, преемниками, нужен человек, который обладает определёнными качествами. Поэтому обращение к человеку, его качествам и дарам произошло естественным образом.

Чего мы хотим добиться? Конечно, мы уже не сможем стать такими, какими были люди до 1917 года, и никогда

Ольга Синицына

Пётр Озерский

Нина Колымагина

наша страна не сможет стать такой, какой она была. Но всё-таки верится, что где-то остались какие-то семена, нити, корни, которые можно было бы ещё возродить для того, чтобы выросло что-то новое – новый человек, который может жить на этой земле, её любить, за неё отвечать, её преобразовать.

Пётр Озерский: Тема русского народа и русского человека мне интересна в первую очередь в её генеалогическом преломлении. Сейчас жизнь людей меняется особенно быстро, отсюда происходит соблазн жить так, словно до тебя ничего не было. Но связь с другими людьми через историю – принимаешь ты её в расчёт или не принимаешь – всё равно существует. ЮСЛ дал мне импульс для того, чтобы углубиться в свою семейную историю и одну ветвь раскопать до пятнадцатого колена. Когда будет время, я хочу устроить экспедицию вроде ЮСЛовской по селам Вологодской и Архангельской области, в которых жили мои предки.

Нина Колымагина: Вообще-то я даже не знала, что есть такая тема. Нам сказали найти русского человека – мы нашли Жанну Потравко. Она – друг нашего братства, к ней уже ездили некоторые группы. Она пытается восстановить усадьбу Рукавишниковых. Они жили в Нижегородской области, там у них была усадьба, и её разрушили революционеры, забрали всё. А она пытается всё там восстановить. Мы даже приняли участие в этом восстановлении – расчищали ворота, выкапывали 200-летнюю брусчатку. Даже почувствовали себя археологами.

Делитесь ли Вы этим опытом, рассказываете ли кому-нибудь?

Ольга Синицына: Сфера педагогики, как мне видится, очень индивидуализирована. Ведь, как известно, дети – это наше будущее, а представление об этом будущем и, значит, о том, как мы должны воспитать детей, – очень «приватизированная» область. Наш опыт вызвал боль-

После трудов по расчистке хозяйственных ворот в бывшей усадьбе Приклонских-Рукавишниковых (Нижегородская область)

шой интерес на Рождественских чтениях. Но это было не на педагогической, а на краеведческой секции.

Пётр Озерский: Да, рассказы о братских лагерях и паломничествах обычно вызывают интерес у моих родственников и друзей, а иногда продолжают беседы о семейной истории.

Нина Колымагина: В лагере каждая группа после экспедиции рассказывала, где она побывала, нашла ли русского человека. Все вместе решали, показывать ли какие-то картинки, какое-нибудь видео. Нужно было уложиться в 15 минут. Вначале рассказывали старшие, потом – младшие.

А потом, после лагеря, я тоже рассказываю о нём, но только тем людям, которым я доверяю. **КФ**

Реформация: точка отсчёта

31 октября исполняется 500 лет с обнародования лютеровских тезисов. О том, что значит это событие для современных лютеран, рассказывает ректор Теологической семинарии Евангелическо-лютеранской церкви в Новосаратовке (Ленинградская область, Россия) Антон Тихомиров

Беседовала Анастасия Наконечная

31 октября исполняется 500 лет с начала Реформации. Хотелось бы узнать, что значат тезисы Лютера для современных лютеран.

Если речь идёт о 95 тезисах, с публикации которых в октябре 1517 года отсчитывается начало Реформации, то это несколько условная дата. Сам этот текст, конечно, имеет значительную богословскую ценность, но в первую очередь представляет исторический интерес. Как считают многие, хотя и не все, историки и богословы, 95 тезисов относятся ещё к «дореформаторским» взглядам Лютера. Я склонен с ними согласиться. Те же взгляды, которые легли в основу вероучения лютеранской церкви, родились уже позже, в ходе дискуссии, которая возникла вокруг этих тезисов. Именно поэтому они являются точкой отсчёта, началом тех процессов, которые собственно и привели к возникновению лютеранства и протестантизма в целом.

С точки зрения богословия, наверное, можно было бы найти другую дату – ту, где взгляды Лютера уже действительно имеют значение для вероучения лютеранской церкви сегодня. Но с исторической точки зрения эта дата вполне правильная, потому что именно в этот день Лютер становится по-настоящему публичной фигурой и начинаются те дискуссии, которые приведут к возникновению Реформации.

А в чём основная разница между этими тезисами и тем, что получилось в итоге?

Если сформулировать очень коротко и максимально упрощённо, устраняя все богословские тонкости, то богословие Лютера времён 95 тезисов сводилось к тому, что спасён только тот человек, который искренно счита-

ет себя проклятым. То есть, чтобы обрести спасение, нужно ощутить себя обречённым аду. Это – «условие спасения». Только сокрушаясь целиком и полностью о своём грехе, мы можем обрести спасение. Для зрелого богословия Лютера и для лютеранской церкви важен совсем другой акцент, а именно: мы спасены не потому, что мы что-то делаем, чувствуем, знаем и т. д., а потому, что Христос за нас умер и спасение обещано нам Богом. Мы полагаемся не на свои чувства или переживания, а на обещание, которое нам дал Бог.

Нам как православным интересно узнать об отношениях между лютеранами и православными. Верно ли я слышала, что уже в самом начале Реформации между ними существовал какой-то диалог?

Действительно, уже с самого начала реформационных процессов богословы – сподвижники Лютера обращались к православным христианам с предложением о богословском диалоге, отправляли им свои богословские труды. По понятным причинам в то время такой диалог не состоялся. Всё-таки слишком различны были взгляды, слишком различны были миры западноевропейский и греко-православный. Впоследствии лютеранская и православная церковь очень тесно соприкасались на территории Российской империи. И хотя православная церковь в России всегда была доминирующей, лютеранская церковь Российской империи была одной из крупнейших в мире. И она была государственной церковью: её главой по уставу был российский император.

В минувшем веке важную роль стали играть многочисленные диалоги между различными лютеранскими и православными партнёрами, которые начались после

Мартин Лютер вывешивает «Тезисы». Картина Фердинанда Паувелса, 1872 г.

Второй мировой войны. В этих диалогах тоже были разные периоды – и сближения, и охлаждения – но, тем не менее, они в той или иной форме продолжают по сей день.

Есть и общение обычных людей, которые просто встречаются друг с другом, например, у нас в России, в Петербурге – его тоже никто не отменял и главное, наверное, происходит именно на этом уровне.

Несмотря на разницу между нами мы, как мне кажется, в чём-то «наступали на одни и те же грабли». В первую очередь это касается зависимости церкви от государства. Ведь лютеранская церковь уже в начале своего существования подпала под влияние немецких князей.

Да, церковь оказалась под влиянием государства довольно скоро после Реформации. Это было связано прежде всего с тем, что основной силой, которая продвигала Реформацию, была светская власть. Это происходило не потому, что это было выгодно политически или экономически. В первую очередь властителями были вполне благочестивые люди, которые всерьёз были озабочены религиозными вопросами. Они как раз и продвигали Реформацию.

Мне кажется, что сейчас эта проблема осталась в прошлом, сегодня она не актуальна для лютеранской церкви.

Что Вы могли бы сказать об итогах этого 500-летия?

Лютеранская церковь, церковь традиционного протестантизма, прошла за это время очень большой путь, и на этом пути оказались важными две вещи.

Во-первых, удалось сохранить базовые идеи того

вероисповедания, основы которого заложил Лютер, то есть учение об оправдании исключительно по милости Бога, без каких-либо заслуг или усилий человека, исключительно ради Христа. Это учение о бесконечной любви Бога к человеку по-прежнему лежит в основе лютеранской церкви.

Во-вторых, церковь по-прежнему учится постоянно отвечать на вызовы современного ей мира, внимательно смотреть вокруг, изучать то, что волнует людей, изучать их вопросы и стараться реагировать на них, не закостеневая в каких-то раз и навсегда данных догматических утверждениях, но проявляя языковую гибкость, способность к размышлению, к новым выводам.

Вы верите в то, что безграничная европейская толерантность дойдёт и до нас?

Дойдёт или не дойдёт – это зависит от людей. Отдельный вопрос – что считать безграничной толерантностью. Для некоторых безграничной толерантностью является наличие женщин, которые служат в церкви в качестве пасторов (даже многие лютеране этого не могут принять, в то время как для большинства это стало просто само собой разумеющимся). Поэтому термин «безграничная толерантность» сам несколько безграничен.

Что касается таких вещей, как гомосексуальные браки, то у нас в церкви не может быть никакого их признания уже хотя бы по той простой причине, что их не признаёт государство. Эти темы вообще, на мой взгляд, искусственно муссируются. Гораздо более важны такие темы, как отношение к войне, к социальной справедливости, к экологии. Вот те проблемы, вокруг которых сегодня действительно ведутся серьёзные богословские исследования и размышления. **КФ**

Лития у Поклонного креста
на Аллее памяти

После конференции: Г.В. Шаверина и члены общины храма
Новомучеников и исповедников Российских в Бутове на
мемориале «Жертвам Ягринлага» в Северодвинске

С.И. Колтырин,
Н. Малышева,
Н. Голубев,

История страны в судьбах узников лагерей

Текст: Наталья Голубева, Наталья Малышева, Ольга Тушина

Вот уже третий год мы, члены Свято-Архангельского малого православного братства, входящего в Преображенское содружество, принимаем участие в конференции «История страны в судьбах узников лагерей», которая проходит на Соловках.

В этом году она была посвящена памяти соловецких заключенных, погибших в ходе репрессивной операции 1937–1938 гг. Участники конференции от нашего братства – Наталья и Николай Голубевы, Наталья Малышева и Ольга Тушина – подготовили литературно-музыкальную композицию о выдающемся учёном и священнике Павле Флоренском «Любовь, которую не уничтожила колючая проволока». Расстрелянный в сталинском лагере о. Павел Флоренский был известен прежде всего как богослов и учёный-естественник. Мы рассказали о его опыте не менее значительном –

опыте отцовства. Находясь в разлуке с детьми, о. Павел сумел питать ум и душу своих детей, разбудить и поддерживать любознательность, исследовательский интерес к тварному миру, к живой природе.

Интересно, что когда мы знакомимся с программой конференции, то с радостью обнаружили в числе докладчиков нашего любимого преподавателя церковной археологии Александра Михайловича Копировского. А тема его доклада «Мысли об искусстве в письмах священника Павла Флоренского из Соловецкого лагеря (1934–1937 гг.)» очень перекликалась с нашей.

Первый день заседания начался с доклада, представленного руководителем центра «Возвращённые имена» при РНБ из Санкт-Петербурга Анатолием Яковлевичем Разумовым «Документы о расстрелах соловецких этапов». Исходя из каких-то, казалось

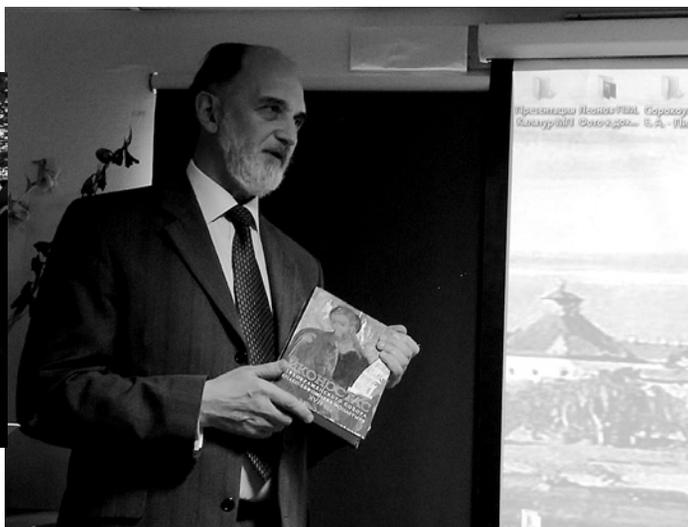
бы, непонятных пометок на полях, автор доклада выяснял судьбу узников из расстрельного списка. Анатолию Яковлевичу удалось показать, что для него как исследователя этой темы за каждым именем открывается живой человек с невероятно трагической судьбой.

О такой трагической судьбе философа, переводчика, режиссёра Олесь Курбаса, «человека, который был Театром» прозвучал доклад Петра Михайловича Леонова «Жизнь с пулей в груди (Олесь Курбас – реформатор национального театра)». В печально знаменитом Сандармохском расстрельном списке осени 1937 года, который включал 1111 заключённых Соловецкого лагеря, его имя значилось под номером 178.

От монастыря и музея-заповедника с докладами выступили отец Вячеслав Умнягин, ответственный редактор книжной серии «Воспоми-

О.В. Бочкарева,
А.Я. Разумов

После доклада профессор СФИ А.М. Копировский подарил Соловецкому музею каталог иконостаса Преображенского собора Спасо-Ефимиевского монастыря в Суздале

Экспонаты выставки «Чемодан заключённого»

нения соловецких узников», монахиня Никона (Осипенко), руководитель паломнической службы монастыря, и руководитель отдела музея Анна Петровна Яковлева.

О репрессиях в Карелии, где располагались многочисленные отделения Соловецких лагерей, рассказала выставка «Чемодан заключённого», которую привёз на конференцию руководитель Медвежьегорского районного музея Сергей Иванович Колтырин.

В конференции принимали участие как исследователи, так и родственники заключённых. Сын писателя Олега Волкова, автора известной книги «Погружение во тьму», Всеволод Олегович Волков рассказал о семейных свиданиях с узниками на Соловках. Елена Соколомова, профессор МПГУ из Москвы, представила доклад о своём родственнике, заключённом Николае Ильинском, расстрелянном в 23 года, «Н.А. Ильинский. Письма матери из Соловецкого лагеря».

Очень интересным оказался доклад Игоря Владимировича Гарькавого – директора мемориального научно-просветительского центра «Бутово». Он рассказал о поклонном кресте, который был изготовлен Георгием Кожокарём в кресторезной мастерской на Соловках – самом большом поклонном кресте в нашей стране (высотой 12,5 метров), как

его переправляли по Беломоро-Балтийскому каналу и устанавливали в Бутово.

Игорь Владимирович отметил ту связь, которая существует между Соловками и Бутовым. Это «две Русские Голгофы: расстрел в Бутово и Соловецкая Голгофа». Известно до 30 человек, которые до того, как были арестованы и расстреляны в 1937 г. в Бутове, прошли Соловецкий лагерь. Среди них священномученик Сергей Голощапов, настоятель храма Святой Троицы в Никитниках, где начинался «Далёкий путь» будущего архимандрита Сергия (Савельева) и его общины. Отец Сергей Голощапов отбывал заключение на Соловках в 1920-е годы, а в 1937 году арестован вторично и расстрелян в Бутово.

Все доклады слушались с огромным интересом, и очень жаль, что не хватило времени для обсуждения и вопросов.

В конце конференции нам дали возможность представить книгу Галины Викторовны Шавериной «Обо всём, что совершилось тут». Оказалось, что у Игоря Владимировича Гарькавого после конференции была запланирована поездка в Архангельск по местам расстрелов. Он принял наше предложение посетить мемориал в Северодвинске.

И вот 21 июля на мемориале «Жертвам Ягринлага», где захоронены останки тысяч заключённых,

строивших наш город и завод, с Галиной Викторвной Шавериной, председателем Северодвинского общества «Совесть», мы встречали делегацию из храма во имя святых Новомучеников и исповедников Российских в Бутово вместе с настоятелем отцом Кириллом Каледой. Галина Викторвна рассказала дорогим гостям о том, как возник этот мемориал и как собирают и хранят память о репрессированных в нашем городе. Отец Кирилл вместе с отцом Валерием Суворовым, настоятелем Воскресенского храма г. Северодвинска, послужили литию.

А когда мы дарили отцу Кириллу книгу архимандрита Сергия (Савельева) «Далёкий путь», он рассказал интересный случай, произошедший с его отцом, известным московским священником Глебом Каледой. Будучи тайно рукоположен в 1972 году митрополитом Иоанном (Вендландом), он был на всенощной в храме Покрова Пресвятой Богородицы в Медведково, где служил тогда архимандрит Сергий (Савельев). Отец Глеб был без бороды, в строгом костюме, как обычный прихожанин. Однако отец Сергей прозрел в нём священника.

Так эта конференция стала удивительным свидетельством связи разных мест и разных поколений в том пространстве, которое связано с памятью о главных героях ушедшего века. **КФ**

Как брызги Чёрного моря...

Письмо Елены Захаровой

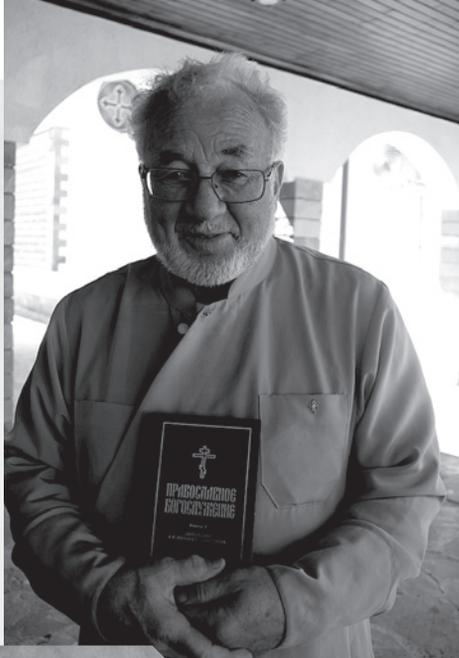
Началось всё с того, что приехав на отдых в Болгарию, я не попала в воскресенье на литургию. Сначала я шла пешком 4 километра, потом долго ждала автобуса, потом следующий автобус не остановился на моей остановке, потом я всё же села в автобус, но вышла не там, где надо, не узнала места и не понимала, куда идти в поисках храма. Храм я всё-таки нашла, но не тот, где была в прошлый раз. Оказывается, храмов в Свети Власе два. И вот я захожу в половине одиннадцатого в храм, слышу, там священник что-то допевает уже, и всё, все выходят из храма. Я тоже вышла, стала смотреть расписание богослужений, потом заговорила с

русской женщиной, тут же и другие русские оказались, интересовавшиеся, когда можно ещё прийти на литургию. Первым удивлением было то, что все праздники служатся дважды, по одному, а потом по другому календарю, – сначала «по-болгарски», а потом «по-русски». И тут вышел священник. Один русский мужчина стал его спрашивать: «Когда литургия? Причаститься можно будет?» А священник ему говорит так по-доброму (он болгарин, но говорит по-русски хорошо): «Литургия и Евхаристия и причастие – это одно и то же». Мужчина спрашивает: «А что для этого нужно? когда подойти? когда исповедь?» И одна прихожанка, тоже русская, ему говорит: «У нас батюшка не каждый раз исповедует, он считает, что у нас очень много правил, всяких запретов. Вы что, каждый день кого-то убиваете? Нет, конечно! Если Вы что-то тяжёлое совершили, то придите накануне. Но если Вы причащаетесь достаточно часто, и чувствуете, что у Вас в сердце мир, то приходите и причащайтесь». Но этот человек строго так сказал: «Нет, ну как это, перед причастием обязательно исповедь!» Тогда священник ему ответил: «Господь сотворил мужчину, женщина, дети. Помидоры, мёд, рыбу, курицу, чтобы кушать. Море, чтобы купаться – для радость, для общения с Богом. А посты, правила, Отче наш 3 раза, Господи помилуй 40 раз – в Библии этого не написано». Потом их разговор ещё продолжился, священник ещё привел множество цитат (Писание он не выпускает из рук), а я постояла ещё немного и очень радостная отправилась домой. Таким было первое впечатление.

И вот в день памяти пророка Илии мы с мамой и детьми приехали в этот храм. Перед началом литургии о. Пётр обратился к прихожанам с первым обращением. Дело в том, что таких «обращений», проповедей – я даже не знаю, как лучше это назвать – так вот, таких очень ёмких слов об истории спасения, проповедей на Апостола и Евангелие, о разных частях литургии и их смысле отец Пётр говорил очень много. Это была настоящая миссионерская литургия. И когда она началась, я не поверила своим ушам: я услышала литургические молитвы на русском языке в очень знакомом переводе. Присмотревшись, увидела, что отец Пётр служит по нашему богослужебному сборнику!!! Братья и сёстры, честно вам скажу, я просто плакала. И от радости, и от того, что в моей голове не умещалось – как это, в России мы в большинстве храмов не услышим ни молитв, ни Евангелия по-русски, в Вельске годами не причащают церковных людей, которые стремятся к общей жизни и к понятности богослужения, а тут, в Болгарии, священнику болгарии

Храм Св. Власия

Отец Пётр Цанков

ну не всё равно, а очень важно, чтобы приехавшие позагорать русские слышали молитвы на родном языке. Очень согрело, когда отец Пётр зашел: «Возлюблю Тебя, Господи, Крепость моя. Господь Твердыня моя...»

Но самое главное даже трудно передать, оно в разных мелочах. Например, когда отец Пётр читал молитвы, которые обычно священники читают в алтаре лицом к престолу, он поворачивался боком – чтобы и к престолу, и прихожанам было лучше слышно. Это трогает невероятно! Когда он говорил какое-то слово народу, то говорил не с солеи, а выходил на середину храма (храм по конструкции своей круглый). Не было ничего «помпезного».

Очень «обычным» голосом отец Пётр говорил: «А теперь Евангелие от Луки, четвёртая глава». «А

теперь по-русски...» «Продолжаем совершать Святую Литургию...» (это после проповеди). Это такое производит впечатление, братья и сестры, знаете, домашнее, ну, как, действительно, делают люди что-то вместе настоящее. Разговаривают как обычные люди, в хорошем смысле оставаясь самими собой. При этом благоговение, как это ни удивительно, никуда не исчезает! Во время литургии многие люди подпевали – например, Святой Боже или Херувимскую – но это тоже очень по-другому ощущалось. Одно дело, когда все поют, потому что уже давно вместе, и уже какое-то имеют между собой единство, и привыкли так делать. И совсем другое – здесь, когда большинство тех, кто был, друг друга не знают, приехали на какое-то время, и поют потому, что очень вовлечены в происходящее, и ощущают свободу. Я так это почувствовала. После литургии отец Пётр сказал: «Большое вам спасибо, без вас я ничего не смог бы. Я сейчас чувствую себя, как апостолы Пётр, Иоанн и Иаков на горе Фавор, такую радость. Спасибо, вы сделали этот праздник». Когда подходили ко кресту, он каждому что-то говорил.

Разговор продолжили во дворе храма, за чашкой липового чая. Отец Пётр всегда и везде с Писанием, с потемневшими от постоянного использования страницами. Его пальцы с лёгкостью перелистывают страницы, находя какое-нибудь нужное место к слову. За чаепитием время от времени поднимается – «сейчас я принесу» – и к концу трапезы рядом с ним огромная стопка разных переводов Евангелия на русский (!) язык, ещё какие-то книги. Он их собирает перед уходом, кладёт одну на другую. А ещё я его спросила за чаем по поводу покаяния в России в год столетия революции: что нам делать, как осмыслить, как покаяться. Первая его фраза сразила меня наповал (вообще отец Пётр – мастер удивлять). Он сказал ровно так, причём без подготовки:

«Патриарх Кирилл 25 января сказал: Церковь виновата». Братья и сёстры, вот вы, например, помните, что и когда сказал НАШ патриарх? А отец Пётр помнит. Затем он продолжил кратким получасовым историческим экскурсом, вспомнил Петра Могила, Петра Великого, осветил влияние монашества на церковный упадок. А в заключение сказал: «Что делать? Я не знаю. Но очень хорошо об этом пишет протоиерей Георгий Митрофанов». Ну, тут я и говорю: «А я как раз хожу в его приход».

Вот, братья и сёстры, прошу прощения, как сейчас говорят, «за много букв» и за немного экзальтированный стиль, но я до сих пор чувствую такое необыкновенное счастье какого-то неведомого мне доселе качества. Столько в этой встрече было неожиданности, лёгкости, радости, даже какого-то веселья, это как брызги тёплого Чёрного моря, которыми и хотела с вами поделиться. **КФ**

Трапеза после литургии

Опыты не в стихах

К 60-летию постоянного автора рубрики «Церковь и культура» Бориса Колымагина мы публикуем отрывки из его дневника

Борис Колымагин.
Рис. З.Ф. Недзельской

+

Вода ниже человека. Она течёт под ногами, под корочкой льда. Поле – каток. Я иду еле-еле, ступаю по шершавым пластам, по сухой траве. Делаю зигзаги в сторону наста.

Наст, правда, может провалиться, не выдержать тяжеловесного мужчину. И сапог окажется в воде.

Я осторожно вытаскиваю ногу из обрванного валенка снега. Подтягиваю её, как в гимнастическом зале, к животу, и делаю шаг. Стою. Вроде держит. И звенит. Небо звенит.

А внизу, в глиняных желобках дороги, бегут ручьи. Пока ещё вяло бегут, не гласят. Под корочкой льда и снега.

Вода ниже человека.

Вода и небо. И вновь ожившее желание убежать за край земли.

+

В Древнем Риме под тишиной понимали не просто отсутствие звука. Она была связана с птицегаданием, с отсутствием всякого огреха в ауспенциях (Тит Ливий, 1-й том, с. 562). Да, поднимались для совершения ритуала после полуночи. И кругом было тихо. Но главное всё-таки – строгое соблюдение обряда.

Когда мы говорим о тихом богослужении, то, наверное, имеем в виду всё-таки не это. Тихий храм как бы противостоит церкви на рыночной площади или собору с его торжественными службами. Но это противостояние чисто внешнее: тихая служба может быть и недалеко от рынка, и в кафедральном строении.

Если из молчания родится слово, «упоительная речь», то из тихого богослужения произрастает – что?

Мы шли после чтения 12 Евангелий с иконописцем Андреем Акимовым с Покровки. Я говорил ему об обычаях римской армии – не начинать сражение без благоприятного знака.

И спросил: что следует из тихого православного богослужения. Он ответил после некоторого колебания: путь.

+

Читаю 2-й том Тита Ливия. Религиозный фактор завернут в канву событий. Честертон неправ, когда говорит, что у Рима была более прогрессивная форма язычества, и Карфаген нёс ужас в виде ритуального убийства младенца при закладке дома. Язычество примерно в одну цену. После поражения в Каннах римляне совершили человеческие жертвоприношения: убили грека и гречанку, ещё двух варваров. Они почтительно относятся к карфагенским богам и упрекают в неблагодарности карфагенян, если те отступают от своих обрядов. Религиозный фактор не имеет идеологической окраски. Он оказывается внутри значимых поступков. Скажем, Деций, римский консул, бросается в гущу врагов и погибает. При этом он воспринимает свои действия как жертву богам ради Рима, ради спасения Отечества. Полководцы на войне не только совершают гадания, участвуют в ритуале, они предстоят перед богами даже в битве.

Тит Ливий на гравюре Новейшего времени. Портретная фантазия неизвестного художника

+

Диван покачивается на волнах. Волны земли несут многоэтажку. Я вздрагиваю: мне кажется, что постель поехала куда-то вниз. Или это кошка ползёт за спиной? Я пытаюсь коснуться её шерсти.

Какая там кошка? Рука касается гребня волны. Рука отдёргивается от одеяла: ударило сильным током. Повернулся на другой бок. И опять где-то сзади: наползает, шипит.

Это уже во мне. Что-то шарообразное, красное и – слабость. Волна схлынула, шуршит по гальке. Но я не сошёл с ума. Я действительно слышу шум волн. Только вот не могу понять: откуда они? И нельзя ли просто – без них? **КФ**

Духовные итоги революции в России: коллективный человек и трагедия личности

8.11 – 10.11

МЕЖДУНАРОДНАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ

МОСКВА – ПОДМОСКОВЬЕ

В чём бы мы сегодня ни видели причины революции 1917 года – в неизбежном стечении исторических обстоятельств, в особой провокации внешнего и внутреннего зла, в своеобразии русского национального характера, – несомненно одно: вся история России в XX веке остро ставит перед нами проблему личности, способной на ясное различие добра и зла, духовное самостояние и ответственный выбор.

В 1917 году в России произошла национальная катастрофа, определившая трагическое развитие нашей страны в XX веке. Одним из главных проявлений этой катастрофы стал беспрецедентный антропологический кризис: не просто явление на исторической арене «человека массы», происходившее во всем европейском мире, но превращение России в «мир поголовного хама и зверя» (И.А. Бунин). О фундаментальном изменении антропологического типа Н.А. Бердяев писал уже в 1918 году: «Слишком изменилось выражение лиц русских людей, за несколько месяцев оно сделалось неузнаваемым». Проходившее на протяжении всего XX века целенаправленное уничтожение наиболее независимой и самостоятельной части общества, длительный эксперимент по созданию «нового советского человека» не могли не иметь разрушительных последствий для страны и её народа.

Продолжая линию, начатую предыдущими конференциями («Равнина русская: опыт духовного сопротивления», «Люди свободного действия», «Дружеский круг как начало соборности и солидарности в России»), мы хотим говорить и о том, как в кризисные эпохи обретается опыт нового единства, новой общности, противостоящей «чёрной соборности» и обезличивающему «мы».

НА КОНФЕРЕНЦИИ ПРЕДЛАГАЕТСЯ ОБСУДИТЬ СЛЕДУЮЩИЕ ТЕМЫ:

- итоги революции и итоги осмысления 100-летия революции;
- практики личного самостояния в ситуации революционной катастрофы и тоталитарного государства;
- Homo soveticus: предпосылки, условия и итоги эксперимента;
- судьба личности в контексте историй человеческих общностей.

К участию в конференции мы приглашаем философов, историков, социологов, богословов, деятелей культуры и искусства, всех, кто выступал с различными инициативами по осмыслению и преодолению Русской Катастрофы, чтобы вместе подумать, к каким итогам мы пришли; куда и как двигаться дальше.

Конференция проходит в рамках общественной неполитической инициативы «Акция национального покаяния: Имеющие надежду», подробнее на сайте pokayanie1917.ru

ОРГАНИЗАТОРЫ КОНФЕРЕНЦИИ:

- Преображенское содружество малых православных братств
- Свято-Филаретовский православно-христианский институт
- Московское Дворянское собрание

Контактные данные оргкомитета:

conference@psmb.ru, +7-965-359-59-47, Екатерина Алексеева

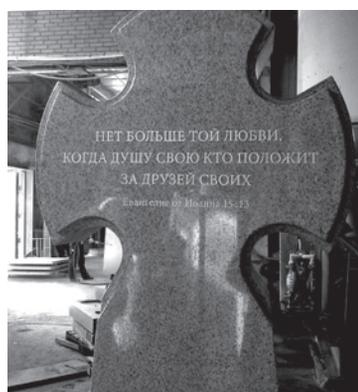
WWW.PSMB.RU

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

ТЕМА

Молитва памяти

Уже много лет 30 октября, в День памяти жертв политических репрессий, во многих городах совершается молитвенное поминовение людей, убитых советской властью. Это движение изначально возникло не как политическая акция, пытающаяся разделить общество (неслучайно между чтением молитв читаются имена всех погибших, в том числе и тех, кто до ареста сам был среди палачей), а как призыв к пробуждению общей памяти. Год назад в Молитве памяти участвовали двадцать городов России, ближнего и дальнего зарубежья. Именно эта молитва объединила представителей разных народов – потомков жителей погибшей Российской империи – и положила начало Акции национального покаяния. В этом году она, несомненно, станет одним из важнейших воспоминаний столетия Русской Катастрофы.

Под Петербургом по благословию митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Варсонофия открывается первый в России памятник, посвященный членам православных братств. В 1920-е в Петрограде было более тридцати братств, взявших на себя ответственность за защиту церкви и просвещение народа. К середине 1930-х все братства были фактически уничтожены, а большинство братчиков репрессировано